

Государственный
Пушкинский
заповедник

По
Пушкинским
местам

*ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПУШКИНСКИЙ
ЗАПОВЕДНИК*

О. ЛОМАН.

ПО ПУШКИНСКИМ МЕСТАМ

*Под редакцией
В. З. Голубева*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРСКАЯ ПРАВДА“
КАЛИНИН * 1937 г.*

Отв. ред. В. З. Голубев

А. С. ПУШКИН.

Портрет работы художника Тропинина.

От издательства

Сто лет прошло со дня гибели величайшего русского поэта, создателя русского литературного языка, родоначальника новой русской литературы. Пушкинские юбилейные дни—это праздник не только русского народа, но и всех народов советской страны. Это праздник всего передового человечества. Великий праздник советской культуры в стране победившего социализма.

В Пушкинском районе Калининской области находится село Михайловское. Сюда не раз приезжал Пушкин, здесь с 9-го августа 1824 г. по 4-е сентября 1826 г. он отбывал ссылку, здесь же поэт создал немало изумительных произведений, составивших эпоху в русской литературе.

В село Михайловское ежегодно съезжаются сотни туристов и экскурсантов—рабочих, колхозников, учащихся, служащих.

Идя навстречу экскурсантам, издательство „Пролетарская правда“, совместно с Пушкинским Государственным Заповедником, выпускает к юбилейным дням этот путеводитель по Заповеднику. Задача путеводителя—указать экскурсантам пути к первоначальному знакомству с Пушкиным и местами, связанными с его памятью, а также натолкнуть на большие пути, ведущие к глубокому и всестороннему изучению жизни и творчества гениального русского поэта.

**Государственный Пушкинский Заповедник
находится в 5,5 км. от станции Тригорское,
Окт. ж. д., в Калининской области, Вели-
колукского округа, Пушкинского района.**

В Заповедник входят Михайловское, Тригорское и Могильный Холм. Эти места, теснейшим образом связанные с жизнью и творчеством Пушкина, постановлением СНК СССР от 17 марта 1922 г. об'явлены Заповедником. („Известия“ ЦИК от 26/III 1922 г.).

В связи с приближающимся юбилеем вопрос о границах Заповедника пересматривается в сторону его расширения.

МИХАЙЛОВСКОЕ

Дорога от станции Тригорское до Михайловского идет полем, через деревни Подборье и Бугрово. Почти сразу за Бугровым начинается заповедный лес. Граница Заповедника отмечена столбом с надписью: «Академия Наук СССР. Государственный Пушкинский Заповедник». До усадьбы с. Михайловского дорога идет сосновым лесом.

Михайловское и Петровское в начале XVIII века входили в одну вотчину, называвшуюся Михайловской губой, которая принадлежала царевне Екатерине Иоанновне — племяннице Петра I, а после ее смерти перешла к царице Елизавете Петровне.

В 1746 году Елизавета подарила Михайловскую губу родному прадеду Пушкина со стороны матери—Абраму Петровичу Ганнибалу («Арапу Петра Великого»), который был воспитанником и

другом ее отца. В жалованной грамоте, подписанной Елизаветой, говорится: «...нашему генералу-майору и Ревельскому обер-команданту Аврааму Ганибали в рассуждений блаженныя и вечной славы достойныя памяти родителя... и к нам оказанных верных его заслуг всемилостивейше пожаловали во Псковском уезде пригорода Воронича Михайловскую губу, которая после кончины блаженной памяти царицы Екатерины Иоанновны приписана к нашему дворцу, а в оной по ведомости из нашей дворцовой конторы показано по переписи генералитетской 569 душ со всеми к ней принадлежащими землями в вечное владение».

МИХАЙЛОВСКИЙ ПАРК

В пожалованной вотчине Ганибал разбил парк по принципам французской парковой архитектуры, характерной для середины XVIII века.

Еловая аллея, как центральная ось Михайловского парка, вела к господскому дому с цветником перед ним. Она разделила парк на две части с симметрично расположенными аллеями, прудами и дорогами.

В центре одного из прудов (в правой части парка) был искусственно сделан островок, напоминающий такой же остров в Царскосельском парке («Концертный зал на острову»).

Аврам Петрович Ганибаль—первый хозяин Михайловского.

Здесь красиво сочетаются в осеннее время «багрец и золото» беловольных березок с густой темной зеленью столетних елей и сосен, отражающихся в водах пруда.

Несколько беседок, теперь не сохранившихся, во времена Ганнибала украшали этот парк. Одна из таких беседок (от нее остались камни фундамента) была, очевидно, центром правой части парка. С разных сторон радиусами сбегаются к ней дорожки. Беседка являлась их архитектурным завершением. Другая беседка стояла в начале сохранившейся до сих пор *Липовой аллеи*, которая во времена А. П. Ганнибала подстригалась.

После смерти Абрама Петровича Ганнибала Михайловское досталось Осипу Абрамовичу Ганнибалу, «флота артиллерии капитану 2-го ранга», женатому на Марии Алексеевне Пушкиной. «Африканский характер моего деда, — пишет Пушкин в «Родословной Пушкиных и Ганнибалов», — пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения». Предоставив фальшивое свидетельство о смерти первой жены — Марии Алексеевны, он женился на новоржевской помещице Устине Ермоловне Толстой. Делая ей дорогие подарки (дом во Пскове с фруктовым садом, дача, мебель, золотые и серебряные сервизы, экипажи и т. д.), Осип Абрамович разорил Михайловское и в конце концов принужден был его заложить. Под

конец своей жизни он поселился в Михайловском, где и умер в 1806 г.

После его смерти Михайловское досталось его жене Марии Алексеевне Ганнибал, а от нее перешло к их дочери (матери поэта) Надежде Осиповне Пушкиной (урожденной Ганнибал).

Родители поэта — Надежда Осиповна и Сергей Львович — светские люди, не плохо образованные по своему времени, терпеть не могли деревни и редко в нее заглядывали. Имением управлял приказчик Михайло Калашников, который, пользуясь беспечностью своих господ, обманывал их и грабил крестьян.

«Небрежно следил Сергей Львович за делами Михайловского имения. Не имея ни малейшего понятия о сельском хозяйстве, он довольствовался присыпаемыми из Михайловского двумя — тремя возами домашней замороженной птицы и масла, с прибавкой сотен двух—трех рублей ассигнациями, и не терпел занятий по хозяйству до такой степени, что, когда к нему прибыла из деревни депутация крестьян с весьма основательными жалобами на мошенника управляющего, — прогнал ее, не расспросив в чем дело».¹

Имение разорялось все больше и больше. По ревизской сказке 1816 года в Михайловском осталось всего 88 душ. Это разорение продол-

¹ Павлищев Л. Н. „Воспоминания об А. С. Пушкине“, 1890 г.

жалось и при Пушкине, который хозяйством своим совсем не занимался. Крестьяне-старики вспоминали: «Он никакого внимания не обращал на свое сельское и домашнее хозяйство; ему было все равно, где находились его крепостные и дворовые крестьяне: на его ли работе (барщине) или у себя в деревне. Это было как-будто не его хозяйство». ¹ По описи 1838 года, «учиненной опочецким земским исправником Васюковым», значилось наличных крестьян всего 71 душа. «При сельце Михайловском находится аглицкий сад с прудом,—говорится в описи,—но по малому количеству фруктовых дерев доходу не приносит». Михайловское не только не приносило доходов, но было заложено и перезаложено.

Несмотря на это, Пушкин очень любил свое Михайловское, часто называл его своей «родиной», приезжал сюда неоднократно и к концу своей недолгой жизни мечтал здесь поселиться.

От времен Ганнибала в Михайловском парке сохранились пруды (теперь расчищенные и реставрированные), Остров уединения и две аллеи — Липовая и Еловая.

Липовая аллея. Липовую аллею часто называют аллеей Керн. По преданию здесь ссыльный Пушкин встречался с Анной Петровной Керн,

¹ Рук. Арх. 1892 г. крестьянин Афанасий, дер. Гайки, по записям Владимирова.

Липовая аллея в Михайловском парке.

которой посвящено замечательное лирическое стихотворение 1825 г. «Я помню чудное мгновенье»:

«В глухи, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.
Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты». ¹

Анна Петровна Керн, с которой Пушкин познакомился еще в 1819 г. в Петербурге у Олениных, летом 1825 г. гостила у своей тетки — помещицы П. А. Осиповой — хозяйки Тригорского. Однажды, — рассказывает она, — «тетушка предложила нам всем после ужина прогулку в Михайловское. Пушкин очень обрадовался этому, и мы поехали. Погода была чудесная, лунная июньская ночь дышала прохладой и ароматом полей... Приехавши в Михайловское, мы не вошли в дом, а пошли прямо в старый, запущенный сад, „приют задумчивых дриад“, с длинными аллеями старых дерев, корни которых, сплетясь, вились по дорожкам, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника вздрагивать.

¹ Пушкин А. С. Собр. соч. под ред. Томашевского. ГИХЛ, 1935 г. Все цитаты из Пушкина, не оговоренные специально, цитируются по этому изданию.

Тетушка... сказала: „Дорогой Пушкин, окажите честь нашему парку, показав его вашей гостью“. Он быстро подал мне руку и побежал скоро, скоро, как ученик, неожиданно получивший разрешение прогуляться... На другой день я должна была уехать в Ригу... Он пришел утром и принес мне на прощанье экземпляр II гл. „Онегина“ в неразрезанных листах, между которыми я нашла вчетверо сложенный почтовый лист бумаги со стихами: „Я помню чудное мгновенье“. ¹

Анна Петровна Керн внущила Пушкину серьезное чувство. После ее отъезда он писал ей 25/VII-1825 года: «Ваш приезд в Тригорское оставил во мне впечатление более глубокое и мучительное, чем то, которое произвела на меня никогда встреча наша у Олениных. В моей печальной деревенской глухи я не могу сделать ничего лучшего, как стараться больше не думать о Вас». ²

Анне Николаевне Вульф 21/VII-1825 г. Пушкин писал: «Каждую ночь я гуляю по саду и говорю себе: она была здесь; камень, о который она споткнулась, лежит на моем письменном столе подле ветки увядшего гелиотропа».

Липовой аллее 160 — 180 лет. Сейчас дупла этих лип запломбированы, залиты особым соста-

¹ А. П. Керн. „Воспоминания“.

² Сочинения Пушкина. Изд. императорской Академии Наук. Переписка под ред. Сайтова, т. I, СПБ 1906 г. Все письма цитируются по этому изданию.

вом, предохраняющим дерево от гниения. Ровестницей Липовой аллеи в парке является вторая, сохранившаяся от времен Ганнибала, аллея — Еловая, которая была, очевидно, подездной аллеей в имение. Заботливо расчищены сейчас старые парковые дорожки. По старым пням удалось определить следы бывших здесь аллей. Подсажены деревья на месте засохших или вырубленных.

Так постепенно восстанавливается теперь старый Пушкинский парк.

ПЕРВЫЙ ПРИЕЗД В МИХАЙЛОВСКОЕ В 1817 ГОДУ

«В разны годы

*Под вашу сень, михайловские рощи
Являлся я. Когда вы в первый раз
Увидели меня, тогда я был
Веселым юношем. Беспечно, жадно
Я приступал лишь только к жизни».¹*

По старой ганнибаловской Еловой аллее в 1817 году приехал Пушкин в первый раз в родное Михайловское после окончания лицея. «Вышел из лицея, — писал позднее Пушкин, — я тотчас почти уехал в Псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался я сельской жизни, русской бане, клубнике и проч.».

¹ Неоконченная элегия 1835 г. „Вновь я посетил“. Из черновых набросков.

Еловая аллея в Михайловском парке.

В этот свой первый приезд Пушкин познакомился с окружающими поместьями—Петровским и Тригорским.

ВТОРОЙ ПРИЕЗД ПУШКИНА В МИХАЙЛОВСКОЕ В 1819 г.

В июле 1819 г. Пушкин приехал в Михайловское вторично, чтобы в деревне поправляться от жестокой горячки:

«Я ускользнул от Эскулапа
Худой, обритый, но живой.
Его мучительная лапа
Не тяготеет надо мной.

От суеты столицы праздной,
От хладных прелестей Невы,
От вредной сплетницы молвы,
От скуки, столь разнообразной,
Меня зовут холмы, луга,
Тенисты клены огорода,
Пустынной речки берега
И деревенская свобода». ¹

В этот приезд была создана «Деревня»—горячий протест против крепостного права:

«Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без
закона.

¹ Пушкин. „NN (Энгельгардту)“.

Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время
земледельца.

Склоняясь на чуждый плуг, покорствуя
бичам,
Здесь рабство тощее влачится по
браздам
Неумолимого владельца.

Здесь тягостный ярем до гроба все
влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не
смея,

Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея».

В деревне Пушкин впервые воочию увидел ужасы крепостного прака. Ведь поэт прекрасно понимал, что и «темный сад с его прохладой и цветами», и пруды, с живописно раскинувшимися над ними мостиками — все это было создано руками крепостных. Все являлось продуктом каторжного, подневольного труда многих поколений крепостных крестьян. Критикуя и осуждая социальную крепостническую действительность, поэт тонко чувствует и воспринимает красоту окружающей его природы. Она отражена в целом ряде произведений Пушкина. Михайловское мы узнаем в «Деревне»:

«Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,¹
Где парус рыбаря белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,²
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крылаты».

Этот пейзаж почти целиком сохранился до наших дней.

Уезжая из Михайловского в середине августа того же 1819 г., Пушкин пишет трогательное стихотворение «Домовому», которое в наши дни звучит как завещание:

«Поместья мирного незримый
покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес и дикий садик мой
И скромную семью моей обитель!

Останься тайный страж в наследственной
сени,
Постигни робостью полуночного вора,
И от недружеского взора
Счастливый домик охрани!
Ходи вокруг него заботливым дозором,

¹ Озера Кучане и Маленец.

² Деревни Дедовцы, Зимари.

Люби мой малый сад и берег сонных вод
И сей укромный огород
С калиткой ветхой, с обрушенным
забором!

Люби зеленый скат холмов,
Луга, измятые моей бродящей ленью,
Прохладу лип и кленов шумный кров:
Они знакомы вдохновению».

ТРЕТИЙ ПРИЕЗД ПУШКИНА В МИХАЙЛОВСКОЕ В 1824 г.

Причины ссылки. «Ссыльным невольником» приехал Пушкин в третий раз в Михайловское 9 августа 1824 г.

Правительство Александра I ненавидело свободолюбивого поэта, «наводнившего,—по словам царя,—всю страну безобразными, возмутительными стихотворениями».

Политические стихотворения Пушкина, распространяемые по России либеральной молодежью, делали большое революционное дело. Сосланный в 1820 г. на юг России, Пушкин по доносу своего одесского начальника, «придворного хама» Воронцова, был исключен со службы. Поводом для новой, более тяжелой ссылки было письмо, перехваченное на почте, в котором Пушкин непочтительно отзывался о святом духе, усомнился в бессмертии души и заявил,

что берет «уроки чистого афеизма» (атеизма— безбожия). В результате было «Высочайше повелено находящегося в ведомстве государственной коллегии иностранных дел коллежского секретаря Пушкина уволить вовсе от службы»¹ и, снабдив прогонными деньгами, отправить в Псковскую деревню его матери. В тайном донесении новороссийскому генерал-губернатору одесский градоначальник сообщал 29/VII-1824 г.: «Пушкин завтрашний день отправляется отсюда в г. Псков по данному от меня маршруту через Николаев, Елизаветград, Кременчуг, Чернигов и Витебск. На прогоны к месту назначения по числу верст 1.621, на три лошади, выдано ему денег 389 руб. 04 коп.».

Вековые михайловские рощи принимали на этот раз «усталого пришельца». Усталого от четырехлетней ссылки, от преследований и придирок начальства. С горечью писал поэт вскоре по приезде в Михайловское:

«Но злобно мной играет счастье:
Давно без крова я ношуясь,
Куда подует самовластье;
Уснув, не знаю, где проснусь.
Всегда гоним, теперь в изгнанье,
Влачу закованные дни».²

¹ Уведомление гр. Нессельроде от 8/VI-1824 г.
² К „Языкову“.

Дом, в котором поэт «влачил закованные дни», не сохранился. Да и в усадьбе со времен Пушкина произошло многое перемен.

Усадьба. В 1866 г. Михайловское унаследовал сын поэта Григорий Александрович. Старый дом, в котором жил Пушкин, он продал на слом и на его месте отстроил другой, большего размера. Он приказал перевезти из Петровского понравившийся ему вяз и посадить его перед своим домом, в середине цветника. Тогда же появились вокруг него и липки (тщательно подстригавшиеся при Григории Александровиче) и другие деревья разных пород.

В 1899 году к столетию со дня рождения поэта Михайловское было приобретено государственным банком и передано псковскому дворянству. Михайловское должно было стать «культурным уголком».

В 1908 г. дом Григория Александровича сгорел и был заново отстроен архитектором Щуко. (Вторично дом сгорел в 1918 году). В 1911 г. в этом доме был устроен музей. В этом же году в память Пушкина решено было организовать благотворительное учреждение — колонию для престарелых писателей. Со слов старого литератора из этой колонии Тимофеевой-Починковской, Васильев в книге «Пушкинские уголки Псковской губернии» рассказал, каким «культурным уголком»

турным уголком» было Михайловское до революции: «Просвещенные дворяне меблировали дом мебелью с базара и работы местных кустарей и сделали из „музея Пушкина” место приятных прогулок, веселого препровождения времени с дамами серда, сытых обедов и чаепитий под звуки граммофона. Изdevательство над памятью поэта дошло до того, что в музее был поставлен биллиард, выписанный из Пскова, чтобы свято-горские купчики с коммерческими дворянами могли позабавиться на том месте, где жил и творил бессмертные произведения великий поэт. Биллиард же поэта в разобранном виде валялся в сарае, куда и направляли удивленных экскурсантов».

Теперешний Пушкинский Музей расположен в одном из домов, выстроенных в 1911 г. (направо от Еловой аллеи). Экспозиция музея развернута на тему «Жизнь и творчество Пушкина». Музей занимает 5 комнат.

I комната. Родословная Пушкина. Масляные портреты предков, в том числе портрет первого хозяина Михайловской губы — А. П. Ганнибала; копия жалованной грамоты на владение Михайловской губой за подпись Елизаветы. Портреты родителей поэта, сестры, брата, поэта-дяди В. Л. Пушкина.

Виды Царского Села и лицея, где учился Пушкин. Коллекция вольнолюбивых стихотворений.

Ссылка на юг. Виды Кавказа и Крыма. Портреты начальников Пушкина—Инзова и Воронцова. Портреты семьи Раевских. Каменка и связь с декабристами. Южные поэмы.

II комната. Пушкин в Михайловском в годы ссылки. Литография 1837 г., изображающая Михайловское. Виды Михайловского. Портрет няни. Увеличенная копия с картины Ге «Приезд Пушкина». Виды Тригорского, портреты его обитателей, подлинные вещи из Тригорского (самовар, рабочий столик П. А. Осиповой). Большая картина Шведе-Радловой «Пушкин и Керн в Тригорском парке». Иллюстрации к «Евгению Онегину», «Борису Годунову» и др. Копии с рукописей. Творческая история этих произведений. Скульптура Диллона «Татьяна Ларина». Портрет Пушкина — Кипренского (копия).

III комната. Восстание декабристов. Взаимоотношения с декабристами. Возвращение из ссылки. «Послание в Сибирь». Картина худ. Непринцева — «Встреча Пушкина с Кюхельбекером». «Арап Петра Великого». Творчество 30-х годов: Болдинская осень, «Медный всадник», «Капитанская дочка». Портрет Пушкина — (копия с портрета художника Тропинина).

IV комната. Женитьба Пушкина. Портреты Натальи Николаевны. Портрет Дантеса. Дуэль и ее история. Смерть. Таинский увоз тела Пушкина. Похороны. Виды Святогорского монастыря.

стыря. Картина «Святогорский монастырь» — художника Осьмеркина. Могила поэта в 30-е, 40-е годы и в настоящее время. Маска. Портрет Пушкина — копия с портрета художника Линева.

V комната. Interieur с обстановкой из Малинников, тверского имения Вульфов — приятелей Пушкина, где поэт неоднократно бывал. Диваны, кресла, бюро, зеркала, стеклянная горка с посудой из Тригорского.

В музее собраны портреты предков, родителей, друзей и врагов Пушкина и его самого; подлинные вещи из Тригорского и Малинников; богатый иллюстративный материал; копии с рукописей Пушкина; оригинальные картины современных художников, отражающих пушкинские места.¹

ПУШКИН В ССЫЛКЕ 1824—1826 гг.

Дом поэта, его внешний и внутренний вид.
Дом, в котором жил Пушкин в ссылке, не сохранился. По описи опеки 1838 г. это был, «дом деревянного строения на каменном фундаменте, крыт и обшит тесом, длиною 8, а шириной 6 сажен. К нему подъезд с крыльцами 2. Балкон 1». Поэтическое описание этого дома дал поэт Языков в своем стихотворении 1830 г. «На смерть няни Пушкина».

¹ В настоящее время строится новый дом — музей.

«Там, где на дол с горы отлогой
Разнообразно сходит бор,
В виду реки и двух озер
И нив с извилистой дорогой,
Где, древним садом окружен,
Господский дом уединенный,
Дряхлеет, памятник почтенный
Елизаветиных времен...
Вон там — обоями худыми
Где-где прикрыта стена,
Пол нечиненный, два окна
И дверь стеклянная меж ними».

Это описание дополняется воспоминаниями друзей: «Вся обстановка комнаток Михайловского домика была очень скромна: в правой, в три окна, комнате, где был рабочий кабинет Александра Сергеевича, стояла самая простая, деревянная, сломанная кровать. Вместо одной ножки под нее подставлено было полено; некрашеный стол, два стула и полки с книгами довершали убранство этой комнаты». ¹ «Комната Александра Сергеевича была маленькая, жалкая. Стояли в ней всего-навсего простая кровать деревянная с двумя подушками, одна кожаная..., а стол был ломберный, ободранный; на нем он и писал, и не из чернильницы, а из помадной банки». ²

¹ Семевский — со слов М. И. Осиповой, „Прогулка в Тригорское“.

² Острогорский — „Альбом „Пушкинский уголок“, со слов Е. И. Осиповой.“

«Комната Александра была возле крыльца, с окном на двор... В этой небольшой комнате помещалась кровать его с пологом, письменный стол, диван, шкаф с книгами. Во всем поэтический беспорядок, везде разбросаны исписанные листы бумаги, всюду валялись обкусанные, обожженные кусочки перьев... Вход к нему прямо из коридора; против его двери — дверь в комнату няни, где стояло множество пальцев... Дверь во внутренние комнаты была заперта, дом не топлен». ¹.

Фасадом своим дом был обращен на большой зеленый круг-цветник. По другую сторону выходил балкон. С балкона этого старого дома открывался прекрасный вид на окрестности. Внизу под горой светлая Сороть, в которой любил купаться Пушкин. К Сороти с площадки перед домом террасами спускается деревянная лестница. Правее большое озеро Кучане. На другой стороне Сороти живописно на холмах расположены деревни Зимари, Дедовцы, Горки, существовавшие еще при Пушкине.

В письме к Вяземскому поэт писал 27 мая 1826 года: «В 4-й песне «Онегина» я изобразил свою жизнь». И действительно: деревенская жизнь Онегина во многом напоминает жизнь самого Пушкина:

¹ Пушкин. „Записки о Пушкине“. СПБ. 1907 г.

Онегин жил анахоретом;
В седьмом часу вставал он летом
И отправлялся налегке
К бегущей под горой реке;
Певцу Гюльнары подражая,
Сей Геллеспонт переплыval,
Потом свой кофе выпивал,
Плохой журнал перебирая,
И одевался...
Прогулки, чтенье, сон глубокой,
Лесная тень, журчанье струй,
Порою белянки черноокой
Младой и свежий поцелуй,
Узде послушный конь ретивый,
Обед довольно прихотливый,
Бутылка светлого вина,
Уединенье, тишина:
Вот жизнь Онегина святая».

Сосланный в деревню за «две строчки нерелигиозные», Пушкин попал в Михайловском под строгий надзор светских и духовныхластей. Начальник края маркиз Паулуччи, псковский губернатор Адеркас, предводитель опочецкого дворянства Пещуров, игумен Святогорского монастыря Иона и даже родной отец поэта Сергей Львович Пушкин, который с семьей проводил здесь лето,— все они наблюдали за каждым шагом «государственного преступника и вольнодумца» Пушкина.

Особенно тяжело было то, что родной отец становился врагом и шпионом. Положение было настолько невыносимо, что поэт даже мечтал о переводе в крепость. С горячим письмом обращается Пушкин к старшему своему другу поэту Жуковскому 31/X—1824 г. «Милый, прибегаю к тебе. Посуди о моем положении. Приехав сюда, был я всеми встречен как нельзя лучше, но скоро все переменилось: отец, испуганный моей ссылкою, беспрестанно твердил, что и его ожидает та же участь; Пещуров, назначенный за мною смотреть, имел бесстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче быть моим шпионом... Спаси меня хоть крепостью, хоть Соловецким монастырем!».

Одновременно обратился Пушкин с такой же просьбой к псковскому губернатору Адеркасу: «Государь император высочайше соизволил меня послать в поместье моих родителей, думая тем облегчить их горесть и участь сына. Но важные обвинения правительства сильно подействовали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и нежной любви его к прочим детям. Решаюсь для его спокойствия и своего собственного просить Его императорское величество да соизволит меня перевести в одну из своих крепостей...».

К счастью это письмо не попало в руки губернатора. Жуковский, конечно, тоже не просил

Царя о переводе Пушкина в крепость. В ноябре 1824 г. родители поэта уехали, и Пушкин остался один-одинешенек. Потянулись тяжелые дни.

Редко кто отваживался навестить опального поэта. Полное одиночество, зимние выюги.. Кругом сугробы снега...

*«В глухи что делать в эту пору?
Гулять? Деревня той порой
Невольно докучает взору
Однообразной наготой.
Скакать верхом в степи суровой?
Но конь, притупленной подковой
Неверный зацепляя лед,
Того и жди, что упадет.
Сиди под кровлею пустынной,
Читай: вот Прадт, вот W. Scott
Не хочешь? Проверяй расход,
Сердись, иль пей, и вечер длинный
Кой-как пройдет, а завтра тож,
И славно зиму проведешь». ¹*

Можно себе представить радость Пушкина, когда ранним январским утром (11 января 1825 г.) он услышал звон приближающегося колокольчика:

¹ „Евгений Онегин“, 4 глава XVIII.

«Вдруг колокольчик зазвенел,
Кто долго жил в глуши печальной,
Друзья, тот верно знает сам,
Как сильно колокольчик дальний
Порой волнует сердце нам.
Не друг ли едет запоздалый,
Товарищ юности удалой?»:¹

Приезд Пущина. К дому мчались сани и в них любимый лицейский товарищ — Пущин. Не успев одеться, Пушкин бросился к нему на встречу. «Не было силы остановить лошадей у крыльца, — рассказывает в своих «Записках» Пущин, — протащили мимо и засели в снегу нерасчищенного двора. Я оглядываюсь: вижу на крыльце Пушкина, босиком, в одной рубашке, с поднятыми вверх руками... Выскакиваю из саней, беру его в охапку и тащу в комнату. На дворе страшный холод, но в иные минуты человек не простужается. Смотрим друг на друга, целуемся, молчим. Он забыл, что надобно прикрыть наготу, я не думал об заиндевевшей шубе и шапке». Пущин провел у своего друга целый день. Он привез ему много интересных новостей: политических (Пущин был декабристом) и литературных. В частности, он привез Пушкину «Горе от ума» Грибоедова (в списках). С наслаждением Пушкин начал читать вслух это произведение. «Среди этого чтения, — продолжал

¹ „Граф Нулин“.

жает Пущин, — кто-то подъехал к крыльцу. Пушкин выглянул в окно, как будто смущаясь и торопливо раскрыл лежавшую на столе Четью-Минею («жития святых»)... В комнату вошел низенький, рыжеватый монах и рекомендовался мне настоятелем соседнего монастыря... Ясно было, что настоятелю донесли о моем приезде... Подали чай. Пушкин спросил рому, до которого, видно, монах был охотник. Он выпил два стакана чаю, не забывая о роме, и после этого начал прощаться, извиняясь снова, что прервал нашу товарищескую беседу. Я рад был, что мы избавились от этого гостя, но мне невыгодно было за Пушкина: он, как школьник, присмирел при появлении настоятеля. Я ему высказал мою досаду, что накликал это посещение. „Перестань, любезный друг! Ведь он и без того бывает у меня, я поручен его наблюдению!..“

К несчастью, вдруг запахло угаром... Вышло, что няня, воображая, что я останусь погостить, велела в других комнатах затопить печи, которые с самого начала зимы не топились. Когда закрыли трубы, — хоть беги из дома!..

Все это неприятно на меня подействовало, не только в физическом, но и в нравственном отношении. Как, подумал я, хоть в этом не успокоить его, как не устроить так, чтобы ему, бедному поэту, было где подвизаться в зимнее ненастье!..

Между тем время шло за полночь... Ямщик уже запрег лошадей, колоколец брякал у крыльца, на часах ударило три. Мы... чокнулись стаканами, но грустно пились: как будто чувствовалось, что в последний раз вместе пьем, и пьем на вечную разлуку! Молча я набросил на плечи шубу и убежал в сани... Кони рванулись под гору. Послышалось: «Прощай, друг!». Ворота скрыпнули за мной».

Посылая друзьям-декабристам «во глубину сибирских руд» свое полное любви и участия «Послание в Сибирь», Пушкин отдельно обращается к Пущину:

«Мой первый друг, мой друг бесценный,
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье,
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье!
Да озарит он заточенье
Лучем лицейских ясных дней!»¹

В апреле 1825 г. навестил Пушкина другой лицейский товарищ — поэт Дельвиг. «Как я был рад баронову приезду, — пишет Пушкин младшему брату Льву Сергеевичу 23/IV-1825 г. —

¹ „И. И.” Пущину“.

Он очень мил! Наши барышни (тригорские. О. Л.) все в него влюбились, а он равнодушен, как колода, любит лежать на постеле, восхищаясь Чигиринским старостою».

В сентябре 1825 г. в с. Лямоново Пушкин встретился и с третьим товарищем по лицее — Горчаковым. Об этой встрече Пушкин писал Вяземскому в первой половине сентября 1825 г.: «Мы встретились и расстались довольно холодно — по крайней мере с моей стороны. Он ужасно высох».

В своем стихотворении «19 октября» (1825 г.) поэт так вспоминает об этих трех встречах:

«И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вылог и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты уладил изгнанья день печальный,
Ты в день его лицея превратил.
Ты, Горчаков, счастливец с первых дней...
Нам разный путь судьбой назначен
строгой;

Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.
Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,

*Под бурею главой поник я томной,
И ждал тебя, вещун пермских дев.
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил».*

Лишенный общества и развлечений поэт в годы ссылки «в глухи лесов сосновых» много и плодотворно работал. В ветхом Михайловском домике с протекающей крышей и дымящими печами, на старом некрашеном столе создавал гениальный поэт свои замечательные произведения. В Михайловском написаны: «Борис Годунов», «Евгений Онегин» III—VI гл., «Граф Нулин», закончены «Цыганы», «Сцена из Фауста», «Жених», «19 октября», «Я помню чудное мгновенье», «Подражание Корану» и многие другие. Всего было написано около 100 произведений.

*«Я был рожден для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
В глухи звучнее голос лирный,
Живее творческие сны».*

Творческое воображение поэта здесь, действительно, живо работало.

Много работал здесь поэт над собой, над своим самообразованием. Изучает иностранные языки, читает. «Мне нужен английский язык,— пишет он в сентябре 1825 г. Вяземскому,— и

*Пушкин в Михайловском (с картины неизв. худ.
40-х годов).*

вот одна из невыгод моей ссылки: не имею способов учиться пока пора».

В письмах к младшему брату и друзьям Пушкин обращается с просьбой прислать ему книг: «Книг, ради бога, книг!.. Стихов, стихов, стихов! *Conversations de Byron!* Walter Scott; Эта пища души... Историческое сухое известие о Сеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории... Что же чухонка («Эда») Баратынского? Я жду» — октябрь 1824 г. — брату. «*Oeuvres de Lebrun, odes, élégies...* жизнь Емельки Пугачева, путешествие по Тавриде Муравьева» — ноябрь 1824 г. — ему же. «Библию, библию! и французскую непременно» — ноябрь 1824 г. — ему же. «Жду Пол. Звез. с нетерпением, знаешь для чего? Для Войнаровского» — Рылееву 25/I — 1825 г. «Пришлите же мне ваш телеграф!» — Вяземскому 28/I — 1825 г. «Милый мой, если только возможно, отыщи, купи, выпроси, укради записки Фуше и давай их мне сюда» — брату, февраль 1825 г. «Прозы твоей брюхом хочу» — Вяземскому 19/II — 1825 г. «Да пришлите же мне Старину и Талию! Господи помилуй, не допросишься!» — брату, начало марта 1825 г. «Душа моя, ... книг: *Conversations de Byron*, *Mémoires de Fouché*, Талию, Старину, *qa Sicmondi (Littérature)*, *qa Schlegel (Dramaturgie)*. Хотел бы я также иметь новое издание Собрания Рус. Стих., да дорого — 75 руб., я и за всю

Русь столько не даю» — брату, 14/III-1825 г. И опять ему же 23/IV-1825 г.: «Фуше. *Oeuvres dramatiques* I de Schiller, Schlegel. Don Juan, новое Walt. Scott. Сибирский Вестник весь;... книгу о верховой езде, — хочу жеребцов выезжать: вольное подражание Alfieri и Байрону».

Из присыпаемых книг составилась целая библиотека.

Позднее Пушкин смеялся, что в Михайловском он перечитал 12 телег книг. — Когда он уезжал из Михайловского, — по словам кучера Пушкина, старика Петра, — книги везли на двенадцати подводах.

Но хоть и много работал поэт и от работы, несомненно, получал большое удовлетворение, однако, скука и одиночество зачастую томили его. Жалобами на тосклирую жизнь в «глухой деревне» полны письма к родным и друзьям:

«Бешенство скуки пожирает мое глупое существование... Все, что напоминает мне море, вызывает у меня грусть, шум ручейка буквально доставляет мне страданье; я думаю, что ясное небо заставило бы меня заплакать от бешенства, но, слава богу: небо у нас сивое, а луна — точная рапа. Что до моих соседей, то мне пришлось только постараться оттолкнуть их от себя с самого начала; они мне не докучают, я пользуюсь у них репутацией Онегина» — Вяземской, окт. 1824 г.

вот одна из невыгод моей ссылки: не имею способов учиться пока пора».

В письмах к младшему брату и друзьям Пушкин обращается с просьбой прислать ему книг: «Книг, ради бога, книг!.. Стихов, стихов, стихов! *Conversations de Byron!* Walter Scott! Эта пища души... Историческое сухое известие о Сенъке Разине, единственном поэтическом лице русской истории... Что же чухонка («Эда») Баратынского? Я жду» — октябрь 1824 г. — брату. «*Oeuvres de Lebrun, odes, élégies...* жизнь Емельки Пугачева, путешествие по Тавриде Муравьева» — ноябрь 1824 г. — ему же. «Библию, библию! и французскую непременно» — ноябрь 1824 г. — ему же. «Жду Пол. Звез. с нетерпением, знаешь для чего? Для Войнаровского» — Рылееву 25/I—1825 г. «Пришлите же мне ваш телеграф!» — Вяземскому 28/I—1825 г. «Милый мой, если только возможно, отыщи, купи, выпроси, укради записки Фуше и давай их мне сюда» — брату, февраль 1825 г. «Прозы твоей брюхом хочу» — Вяземскому 19/II—1825 г. «Да пришлите же мне Старину и Талию! Господи помилуй, не допросишься!» — брату, начало марта 1825 г. «Душа моя,... книг: *Conversations de Byron*, *Mémoires de Fouché*, Талию, Старину, *qa Sicmondi (Littérature)*, *qa Schlegel (Dramaturgie)*. Хотел бы я также иметь новое издание Собрания Рус. Стих., да дорого — 75 руб., я и за всю

Русь столько не даю» — брату, 14/III-1825 г. И опять ему же 23/IV-1825 г.: «Фуше. *Oeuvres dramatiques de Schiller, Schlegel. Don Juan*, новое Walt. Scott. Сибирский Вестник весь;... книгу о верховой езде, — хочу жеребцов выезжать: вольное подражание Alfieri и Байрону*.

Из присылаемых книг составилась целая библиотека.

Позднее Пушкин смеялся, что в Михайловском он перечитал 12 телег книг. — Когда он уезжал из Михайловского, — по словам кучера Пушкина, старика Петра, — книги везли на двенадцати подводах.

Но хоть и много работал поэт и от работы, несомненно, получал большое удовлетворение, однако, скука и одиночество зачастую томили его. Жалобами на тосклившую жизнь в «глухой деревне» полны письма к родным и друзьям:

«Бешенство скуки пожирает мое глупое существование... Все, что напоминает мне море, вызывает у меня грусть, шум ручейка буквально доставляет мне страданье; я думаю, что ясное небо заставило бы меня заплакать от бешенства, но, слава богу: небо у нас сивое, а луна — точная рака. Что до моих соседей, то мне пришлось только постараться оттолкнуть их от себя с самого начала; они мне не докучают, я пользуюсь у них репутацией Онегина» — Вяземской, окт. 1824 г.

«О моем житье-бытье ничего тебе не скажу. Скучно, вот и все... Пришли мне стихов, умираю, скучно» — Вяземскому 10/X—1824 г.

«У меня хандра и нет ни единой мысли в голове моей» — ему же 7/IV—1825 г.

«У нас очень дождик шумит, ветер шумит, лес шумит, шумно, а скучно!» — Плетневу, авг. 1825 г.

«Подумай о моем положении; вовсе не завидное... Хоть кого с ума сведет!» — Жуковскому, 6/X—1825 г.

«Мы живем в печальном веке, но когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, английские журналы или парижские театры, то мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство» — Вяземскому, 27/V—1826 г.

И, наконец, в письме к Плетневу (издававшему «Онегина») от 3/III—1826 г.: «Мне не до Онегина. Чорт возьми Онегина! Я сам себя хочу издать или выдать в свет. Батюшки, помогите!». Однако, «тоска и бешенство» обяснялись не только одинокой жизнью в Михайловском, но и положением поднадзорного, преследуемого человека. Немудрено, что поэт мечтал о побеге за границу.

С кем же мог поэт развеять эту томящую его скучу? Большим другом Пушкина в суровые годы его ссылки была его няня.

АРИНА РОДИОНОВНА

И в жизни, и в творчестве Пушкина няня его Арина Родионовна имела большое значение. В тяжелые годы изгнанья эта простая, добрая, отзывчивая женщина заменила поэту и мать, и друга.

«Вот уже 4 месяца, как нахожусь я в глухой деревне,— пишет поэт в декабре 1824 г. Княжевичу.— Скучно, да нечего делать... Уединение мое совершенно, праздность торжественна. Соседей около меня мало, я знаком только с одним семейством и то вижу его довольно редко. (Совершенный Онегин); целый день верхом, вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны; ...она единственная моя подруга и с нею только мне не скучно».

Неграмотная крепостная крестьянка, Арина Родионовна от природы одарена была богатым поэтическим чутьем и была большим знатоком русского народного быта и народной поэзии. Она была великой мастерицей рассказывать сказки и знала их множество. Няня сумела и питомцу своему привить любовь и интерес к быту народному. Она еще в раннем детстве приоткрыла поэту окно в новый, неведомый ему мир, мир народной фантастики. В Михайловском, становясь реалистом, Пушкин особенно интересовался народным творчеством, и сказки да песни няни были не только его единствен-

ным развлечением, но и источником поэтического вдохновения.

«Знаешь ли мои занятья?—сообщает Пушкин младшему брату в октябре 1824 года. — До обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!». В письме к Вяземскому 25/I—1825 г. поэт пишет: «Покамест я один-одинешенек; живу недорослем, валяюсь на лежанке и слушаю старые сказки, да песни».

Долгие, томительно-скучные вечера коротал поэт с няней, слушая ее бесхитростные рассказы. В стихотворении «Зимний вечер» поэт обращается именно к ней:

*«Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой по утру шла».*

Арину Родионовну мы узнаем в няне Дубровского; она же, по словам самого поэта, была «оригиналом няни Татьяны»—эта «старушка в длинной телогрейке с платком на голове сердой».

И, пожалуй, впервые в русской литературе простым, своим языком заговорила о себе крестьянка:

*Арина Родионовна — няня поэта
(с картины худ. Максимова).*

«Я, бывало,
Хранила в памяти не мало
Старинных былей, небылиц
Про злых духов и про девиц.

Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет,
А было мне тринадцать лет.
Недели две ходила сваха
К моей родне, и наконец,
Благословил меня отец.
Я горько плакала со страха,
Мне с плачем косу расплели,
Да с пеньем в церковь повели». ¹

Няня была и ценителем произведений поэта, которому не с кем было поделиться своими замыслами, своими литературными планами:

«Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей». ²

С любовью вспоминает об Арине Родионовне поэт Языков в стихотворении «К няне А. С. Пушкина».

«Всегда приветами сердечной доброты,
Встречала ты меня, мне здравствовала
ты;

¹ „Евгений Онегин“ гл. III—XVII—XVIII.

² „Евгений Онегин“ гл. II—XXXV.

Когда чрез длинный ряд полей, под
зноем лета,
Ходил я навещать изгнанника-поэта...
Ты занимала нас — добра и весела —
Про стародавних бар пленительным
рассказом.

Мы удивлялися почтенным их проказам...
Свободно говорил язык словохотной
И легкие часы летели беззаботно».

ДОМИК НЯНИ.

Домик, в котором по преданию жила няня, сохранился до наших дней.

Это был, очевидно, флигель господского дома. Судя по описи 1838 г., это был «флигель деревянного строения, крыт и обшият тесом, в нем комнат 1... Печь русская с железною заслонкою. Под одной связью баня с голландской печью».

Именно об этом доме писал в телеграмме от 3/VII—1898 г. на имя художника В. М. Максимова сын поэта Григорий Александрович: «Единственная постройка, сохранившаяся от времен отца в Михайловском — флигель, который предоставляю осмотреть; остальные постройки возведены мною и лишены исторического интереса».

О том, как уцелел домик няни в 1918 г., когда кругом пылали дворянские усадьбы и

сгорел дом в Михайловском, местные старожи-лы рассказывают, будто его спас красный ко-мандир-калмык, который разогнал поджигате-лей и потушил пожар. Этот командир, б. на-чальник штаба отдельной башкирской бригады, Гареев рассказал, как он спас домик няни:

«На дворе, заросшем травой, толпился какой-то случайный народ. Угольная пыль покрывала фундамент разрушенного дома.—Что здесь бы-ло? — спросил я.—Дом Пушкина.—На всем лежала печать разрушения, видны были следы огня и топора. Подошли мы к какому-то полу-разрушенному срубу. Это и был домик няни,— все, что сохранилось от Михайловского. Я во-шел в домик. Косяки сорваны, окна и двери то-же. Поднял голову—крыши нет: сквозь стропи-ла виднеется небо. Приметил я и совершенно свежие следы разрушения... Решили мы восста-новить домик няни. Но как подступиться? Ведь у нас не было никаких материалов. Поэтому я сначала ограничился тем, что часто ездил про-верять, не растаскивают ли попрежнему домик на топливо... Как-то в штаб явился человек ученого вида. Он назвал себя пушкинистом Устиновичем и попросил нас оградить Михай-ловское от разрушения.—Мы делаем, что мо-жем, — говорю я, — готовы даже реставрировать домик няни, да нет у нас для этого материа-лов. И тогда Устинович положил передо мной на стол фотографии домика, его описания, за-

Домик няни.

рисовки. Сейчас же я... дал приказ саперной роте выступить в Михайловское и восстановить домик няни. Саперы с помощью Устиновича за неделю домик няни восстановили. Какой это был праздник для всех нас!»¹

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПУШКИНА ИЗ ССЫЛКИ

В ночь с 3 на 4 сентября 1826 г. по распоряжению Николая I Пушкина увезли из Михайловского.

Николай I воцарился после смерти Александра I в момент восстания декабристов. Жестоко раздавлено было это восстание «жандармским сапогом» Николая Палкина.

Среди повешенных, среди сосланных в далёкие «каторжные норы» оказались друзья и единомышленники Пушкина. С ужасом узнал поэт о том, что произошло в Петербурге. «Повешенные повешены, — пишет он 14/VIII—1826 г. Вяземскому, — но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна!».

Беззыездно сидя в своем глухом Михайловском, задумчиво чертит поэт на листе бумаги одну за другой виселицы с повешенными. «И я бы мог», — ставит он над виселицей. Пушкин прекрасно понимал, что и его могли повесить, отправить в Нерчинск и т. д.

¹ «Как мы спасли домик няни» — рассказ полковника Гареева. «Красная газета». Ленинград, 19/X—1936 года.

«Я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков. Все возмутительные рукописи ходили под моим именем», — пишет он Вяземскому 10/VII—1826 г. «Ты ни в чем не замешан, — это правда, — пишет 12/IV—1826 г. Пушкину Жуковский, — но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством». Действительно, при обыске, при аресте у большинства из декабристов были обнаружены «возмутительные», т. е. политические стихотворения Пушкина, которыми участники восстания пользовались, как орудием революционной агитации и пропаганды.

В связи с этим, начальник херсонских военных поселений гр. Витта в середине июля 1826 г. послал в Псковскую губернию секретного агента Бошняка с целью «возможно тайного и обстоятельного исследования поведения известного стихотворца Пушкина, подозреваемого в поступках, клонящихся к возбуждению к зольности крестьян и арестования его и отправления куда следует, буде он окажался действительно виновным».

Путешествуя инкогнито под видом ученого ботаника, Бошняк деятельно собирал сведения о Пушкине. Однако, ничего «опасного» найти не удалось. По собранным сведениям оказалось, что «Пушкин живет весьма скромно, ни в возбуждении крестьян, ни в каких поступках, ко-

вреду правительства устремленных, не подозревается».

Фельд'егеря Блинкова, который дожидался на станции Бежаницы с открытым листом об аресте Пушкина, пришлось отправить обратно в С.-Пб., «как ненужного».

19/V—1826 г. Пушкин посыпает прошение на высочайшее имя о дозволении ему выехать из Михайловского.

«Я 6 лет нахожусь в опале, а что ни говори — мне всего 26, — писал поэт в январе 1826 г. Плетневу, — покойный император в 1824 г. сослал меня в деревню за две строчки нерелигиозные — других художеств за собою не знаю. Ужели молодой наш царь не позволит удалиться куда-нибудь, где бы потеплее?».

Поручая себя ходатайству Жуковского поэт 7/III—1826 года пишет ему: «Вступление на престол государя Николая Павловича подает мне радостную надежду. Может быть его Величеству угодно будет переменить мою судьбу. Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя и не намерен безумно противоречить общепринятым порядку и необходимости». Об этом письме Пушкин иронически писал Плетневу (март 1826 г.): «При сем письмо к Жуковскому в треугольной шляпе и башмаках».

Шел уже седьмой год ссылки.

Надеясь на облегчение своей участи, поэт готов, как он пишет Жуковскому в январе 1826 г., «уславливаться (буде условия необходимы) с правительством».

Благоприятные результаты расследования Бонч-Бруевича ускорили удовлетворение его просьбы. «Жандарм Европы» — Николай I ко дню своей коронации решил приурочить возвращение поэта из ссылки. Этим он рассчитывал хоть немного сгладить кровавое впечатление от своего воцарения, дать подачку недовольным и поднять свой авторитет в глазах подданных. Кроме того, он рассчитывал сделать Пушкина своим придворным поэтом. С циничной откровенностью говорит об истинной цели «прощения» Пушкина Бенкendorф в донесении Николаю: «Пушкин порядочный шалопай, но если удастся направить его перо и его речи, то это будет выгодно».

Начальником главного штаба Е. И. В. генералом Дибичем 28/VIII по прошению Пушкина была записана следующая резолюция: «Высочайше повелено Пушкина призвать сюда. Для сопровождения его командировать фельд'егера. Пушкину позволяет ехать в своем экипаже свободно, под надзором фельд'егера, не в виде арестанта. Пушкину прибыть прямо ко мне. Писать о сем псковскому гражданскому губернатору». Псковский губернатор Адеркас прислал за поэтом нарочного и тот поспешно увез

Пушкина в Москву, в Кремль, прямо к Николаю I. «Войдя в кабинет Чудовского дворца 8/IX—1826 г. на аудиенцию к Николаю I, хотя и ссылочным, но духовно свободным, он вышел оттуда по меткому выражению Лернера «свободным поднадзорным» — и с этого дня голубая, громоздкая фигура Бенкendorфа становится рядом с поэтом и неотступно, по пятам, сопровождает его уже до самой могилы, преследуя даже за пределами гроба».¹

Неожиданный поспешный увоз Пушкина ночью удивил поэта и перепугал Арину Родионовну. «Приехал вдруг ночью жандармский офицер из города, велел сейчас в дорогу собираться, а зачем, неизвестно, — рассказывает старик Петр, кучер Пушкина,² — Арина Родионовна распужалась, навзрыд плачет. Александр-то Сергеевич ее утешает: не плачь, мама, говорит: сыты будем; царь хоть куда не пошлет, а все хлеба даст. Жандарм очень торопил в дорогу».

В слезах, растрепанная и запыхавшаяся, еще до рассвета, прибежала няня после отъезда своего питомца в Тригорское, чтобы поделиться своим горем.

Увезли куда-то Александра Сергеевича, а куда — никто не знает: может быть в тюрьму,

или на каторгу, или даже на виселицу! В ужасе стремится она уничтожить дома все подозрительное, что могло бы повредить ее другу, — прежде всего попался ей под руку «сыр немецкий проклятый, от которого так дурно пахнет».

«Душа моя, — пишет Пушкину Дельвиг 15/IX—1826 г., — меня пугает положение твоей няни. Как она перенесла совсем неожиданную разлуку с тобою?».

В ноябре того же 1826 года Пушкин вновь возвращается в Михайловское за своими бумагами и книгами и гостит здесь с 2/XI по 20/XII—1826 г. В письме к Вяземскому от 9/XI—1826 г. отсюда он пишет: «Есть какое-то поэтическое наслаждение возвратиться вольным в покинутую тюрьму. Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встреча моей дворни... и моей няни—ей-богу, приятнее щекотит сердце, чем слава, наслаждения самолюбия, рассеянности и пр. Няня моя уморительна. Вообрази, что 70 лет она выучила наизусть новую молитву об умилении сердца владыки и укрощении духа его сирепости, молитвы, вероятно сочиненной при ц. Иване. Теперь у нее попы дерут молебен и мешают мне заниматься делом».

В письме от 6/III—1827 г. няня трогательно зовет поэта обратно в Михайловское: «Любезный мой друг, Александр Сергеевич! Я получила Ваше письмо и деньги. За все ваши милости я вам всем сердцем благодарна; вы у меня беспрестан-

¹ Моздалевский. „Пушкин под тайным надзором“.

² В записи Тимофеева.

Пушкина в Москву, в Кремль, прямо к Николаю I. «Войдя в кабинет Чудовского дворца 8/IX—1826 г. на аудиенцию к Николаю I, хотя и ссылочным, но духовно свободным, он вышел оттуда по меткому выражению Лернера «свободным поднадзорным» — и с этого дня голубая, громоздкая фигура Бенкендорфа становится рядом с поэтом и неотступно, по пятам, сопровождает его уже до самой могилы, преследуя даже за пределами гроба».¹

Неожиданный поспешный увоз Пушкина ночью удивил поэта и перепугал Арину Родионовну. «Приехал вдруг ночью жандармский офицер из города, велел сейчас в дорогу собираться, а зачем, неизвестно, — рассказывает старик Петр, кучер Пушкина,² — Арина Родионовна расплакалась, навзрыд плачет. Александр-то Сергеевич ее утешает: не плачь, мама, говорит: сыты будем; царь хоть куда не пошлет, а все хлеба даст. Жандарм очень торопил в дорогу».

В слезах, растрепанная и запыхавшаяся, еще до рассвета, прибежала няня после отъезда своего питомца в Тригорское, чтобы поделиться своим горем.

Увезли куда-то Александра Сергеевича, а куда — никто не знает: может быть в тюрьму,

¹ Моздалевский. „Пушкин под тайным надзором“.

² В записи Тимофеева.

или на каторгу, или даже на виселицу! В ужасе стремится она уничтожить дома все подозрительное, что могло бы повредить ее другу, — прежде всего попался ей под руку «сыр немецкий проклятый, от которого так дурно пахнет».

«Душа моя, — пишет Пушкину Дельвиг 15/IX—1826 г., — меня пугает положение твоей няни. Как она перенесла совсем неожиданную разлуку с тобою?».

В ноябре того же 1826 года Пушкин вновь возвращается в Михайловское за своими бумагами и книгами и гостит здесь с 2/XI по 20/XII—1826 г. В письме к Вяземскому от 9/XI—1826 г. отсюда он пишет: «Есть какое-то поэтическое наслаждение возвратиться вольным в покинутую тюрьму. Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встреча моей дворни... и моей няни—ей-богу, приятнее щекотит сердце, чем слава, наслаждения самолюбия, рассеянности и пр. Няня моя уморительна. Вообрази, что 70 лет она выучила наизусть новую молитву об умилении сердца владыки и укрощении духа его смиренности, молитвы, вероятно сочиненной при ц. Иване. Теперь у нее попы дерут молебен и мешают мне заниматься делом».

В письме от 6/III—1827 г. няня трогаально зовет поэта обратно в Михайловское: «Любезный мой друг, Александр Сергеевич! Я получила Ваше письмо и деньги. За все ваши милости я вам всем сердцем благодарна; вы у меня беспрестан-

но в сердце и на уме и только когда засну, забуду вас и ваши милости ко мне. Ваше обещанье к нам побывать летом меня очень радует. Приезжай, мой ангел, к нам в Михайловское — всех лошадей на дорогу выставлю... Прощайте, мой батюшка Александр Сергеевич. За ваше здоровье я просфору вынула и молебен отслужила: поживи, дружок, хорошенъко—самому слубится. Я, слава богу, здоровья, целую ваши ручки и остаюсь вас многолюбящая няня ваша Арина Родионовна».

В ответ ей Пушкин шлет свое проникнутое любовью и нежностью стихотворенье:

*«Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя,
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые вороты
На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь».*

В июле 1827 г. Пушкин снова приезжает в Михайловское и живет до 14/X—1827 г. В этот приезд поэт начал 7-ю гл. «Евгения Онегина» и «Арапа Петра Великого». Личность и биография

прадеда, первого хозяина родного Михайловского, Абрама Петровича Ганнибала очень интересовала Пушкина. Еще в феврале 1825 г. ссыльный поэт писал брату: «Присоветуй Рылееву в новой его поэме поместить в свите Петра I нашего дедушку. Его арапская рожа произведет странное действие на всю картину Полтавской битвы».

В конце 1827 года Арина Родионовна переехала в Петербург к старшей сестре поэта Ольге Сергеевне, в замужестве Павлищевой. В ее доме на Казачьем переулке она и скончалась в 1828 г. Похоронена няня на Больше-Охтенском кладбище. Могила ее затеряна.

Осенью 1835 года с 10/IX по 20/X поэт опять проводит в Михайловском¹. Но на этот раз осень — это любимое время года поэта — не была плодотворной: «Такой бесплодной осени отроду мне не выдавалось,— пишет он Плетневу в окт. 1835 г. — Пишу, через пень колоду валю. Для вдохновения нужно сердечное спокойствие, а я совсем не спокоен». Семейные неприятности, материальные затруднения, светские сплетни — все это отравляло настроение поэта и лишало его необходимого для творческого труда спокойствия.

«Я провожу время очень однообразно, — сообщает он жене в сент. 1835 г. — Утром дела не делаю, а так из пустого в порожнее переливаю.

¹ В том же 1835 году поэт провел в Михайловском несколько дней в мае — с 8/V по 12/V,

Вечером езжу в Тригорское, роюсь в старых книгах, да орехи грызу. А ни стихов, ни прозы писать и не думаю». В этот приезд была создана полная грусти элегия:

«Вновь я посетил

*Тот уголок земли, где я провел
Изгнаником два года незаметных —
Уж десять лет ушло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону —
Переменился я, — но здесь опять
Минувшее меня об'емлет живо,
И кажется, вечор еще бродил
Я в этих рощах.*

*Бот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет — уж за стеной
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.
А вечером, при завываньи бури,
Ее рассказов, мною затверженных
От малых лёт, но никогда не скучных».*

В письме к жене от 25/IX—1835 г. Пушкин писал: «В Михайловском нашел я все по-старому, кроме того, что нет уже в нем няни моей». Смерть ее была большой утратой для поэта.

За домиком няни открывается прекрасный пейзаж. Это те самые «подвижные картины», которые мы помним по стихотворению «Дерев-

Вид на р. Сороть с Савкиной горки.

ия». Отсюда видны озера Кучане и Маленец. За Маленцом любимое место Пушкина — лесистый холм, дальше Савкина горка.

«Вот холм лесистый, над которым часто
Я сиживал недвижим—и глядел
На озеро—вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...»

На лесистый холм можно подняться, обогнув озеро Маленец. Недалеко от лесистого холма — Савкина горка, искусственная насыпь над р. Сороть, представлявшая собой в 14 веке крепость. До нее от Михайловского $\frac{1}{2}$ часа ходьбы. На горке можно видеть большой дикий камень, поставленный легендарным попом Саввою на братской могиле воинов, павших во время одной из многочисленных схваток с враждебными соседями: литовцами и поляками. На камне, который был, видимо, подножием креста, высечена надпись: «Лета 7021 постави сей крест Сава поп».

Савкину горку Пушкин очень любил и мечтал даже купить. В 1831 г. в письме он просит Осинову: «Я бы попросил Вас, как добрую соседку и дорогого друга, сообщить мне, не могу ли я купить Савкино и каковы были бы условия. Я бы поставил там избушку, в ней бы я разложил свои книги, и приезжал туда проводить несколько месяцев в году возле моих старых и добрых друзей». Желание Пушкина не осуществилось.

ПЕТРОВСКОЕ

От Михайловского до старого Ганибаловского имения Петровское около трех километров ($\frac{3}{4}$ часа ходьбы). От домика няни надо спуститься вниз к Сороти и ити вправо. Дорога идет берегом озера Кучане. В летнее время в Петровское можно ехать на лодках. Это — приятная прогулка.

Петровское, так же как и Михайловское, входило в состав Михайловской губы и принадлежало с 1746 года Абраму Петровичу Ганибалу. Есть основание думать, что он, получив в наследственное владение Михайловскую губу, обосновался именно в Петровском, где отстроил себе дом и разбил парк. Петровский парк сохранился довольно хорошо, хотя и заглох и нуждается в расчистке и подсадке. Это — прекрасный образчик французского парка.

Дом, выстроенный А. П. Ганнибалом, фасадом своим выходил на большую зеленую круглую площадку, обсаженную деревьями. Этот круг являлся геометрическим центром парка. В разные стороны расходятся от этого круга аллеи, напоминающие зеленые коридоры. Одна из этих аллей, идущая прямо от фундамента дома (дом сгорел в 1918 г.), образует крытый зеленый свод и приводит к озеру Кучане. Очень интересны аллеи карликовых лип, которые прежде тщательно подстригались.

В парке сохранился пруд. Весь парк чрезвычайно уютен и живописен.

По разделу между сыновьями А. П. Ганнибала после его смерти Петровское перешло к Петру Абрамовичу Ганнибалу. Во времена Пушкина Петр Абрамович был уже генералом в отставке и жил в Петровском на покое.

Пушкин побывал у него в гостях в 1817 году, в первый свой приезд в Михайловское. Впечатление от этой встречи Пушкин записал так:... «...попросил водки. Подали водку. Налив рюмку себе, велел он ее и мне поднести; я не поморщился и тем, казалось, чрезвычайно одолжил старого арапа. Через четверть часа он опять попросил водки и повторял это раз 5 или 6 до обеда». Анненков рассказывает: «Забавно, что водка, которую старый арап потчевал тогда Пушкина, была собственного изделия хозяина:

оттуда и удовольствие его при виде, как молодой родственник умел оценить ее и как развязно с нейправлялся. Генерал занимался на покое перегоном водок и настоек и занимался этим без устали, со страстию».

Невольно вспоминаются здесь строки из «Евгения Онегина»:

«Почтенный замок был построен,
Как замки строиться должны:
Отменно прочен и спокоен
Во вкусе умной старины.

Везде высокие покои,
В гостиной штофные обои,
Царей портреты на стенах,
И печи в пестрых изразцах...

Он в том покое поселился,
Где деревенский старожил
Лет сорок с ключницей бранился,
В окно смотрел и мух давил.

Все было просто: пол дубовый,
Два шкафа, стол, диван пуховый.
Нигде ни пятнышка чернил.
Онегин шкафы отворил:

В одном нашел тетрадь расхода,
В другом—наливок целый строй,
Кувшины с яблочной водой
И календарь осьмого года:

*Старик, имея много дел,
В иные книги не глядел»¹.*

В Петровское ведет прекрасная березовая аллея, посаженная уже при следующих хозяевах этого имения—Княжевичах. Они владели Петровским до самой революции.

Дорога в Тригорское

От Михайловского до Тригорского $2\frac{1}{2}$ километра. В Тригорское ведет старая дорога. Она начинается налево от Еловой аллеи (если смотреть на усадьбу). Это та самая дорога, по которой так часто, соскучившись в своем михайловском уединении, отправлялся опальный поэт в соседнее, ближайшее имение—Тригорское.

То пешком, то на крестьянской попутной лошаденке, то на «вороном аргамаке,

*Заморской шляпою прикрытый,
Спеша в Тригорское, один —
Вольтер, и Гете, и Расин —
Являлся Пушкин знаменитый»¹*

С какими думами ехал поэт знакомой дорогой? Михайловскими рощами, мимо старого большого пруда.. Вот дорога огибает озеро Маленец:

¹ „Евг. Онегин“ II гл. II–III.

¹ Языков. „Осиповой“.

«Меж нив златых и пажитей зеленых
Оно, синея, стелется широко...»

И не здесь ли вырвались эти полные горечи и иронии строки:

«Тоской и рифмами томим,
Бродя над озером моим,
Пугаю стадо диких уток:
Вняв пенью сладкозвучных строф,
Они слетают с берегов». ¹

Постепенно дорога, «изрытая дождями», поднимается в гору и приводит к месту трех сосен, любимых и воспетых Пушкиным:

«На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль,—две другие
Друг к дружке близко, — здесь, когда
их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я и пред собою
Увидел их опять. Они все те же,
Все тот же их знакомый уху шорох,

¹ „Евг. Онегин“ IV гл.—XXXV.

Но около корней их устаревших...
Теперь младая роща разрослась...
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий, поздний возраст...
Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум...
И обо мне вспомянет».

Сосен уже нет, они давно погибли от неосторожно оставленного пастухами костра, нет уже и «младого племени». Но мы, внуки и правнуки Пушкина, «вспомянем» его здесь, на этом любимом его месте. Характерна эта бодрость, этот светлый оптимизм, и это приветственное обращение к «младому, незнакомому» племени в элегии грустного, тяжелого для поэта 1835 года. Этот оптимизм делает Пушкина особенно близким иозвучным нашей жизнерадостной эпохе.

Теперь на месте любимых пушкинских сосен подсажены три молодых сосны так, как они были при Пушкине.

Уже с этого места хорошо видно Тригорское. Такие названья, как Тригорское, Святые (теперь Пушкинские) горы, Горки, Змеиная гора, Лысая гора, Савкина горка, Бугрово и т. д. — не случайны. Местность холмистая, неровная. Это отроги Валдайской возвышенности.

На одном из трех высоких холмов Тригорского раскинулась деревня Воронич, колхоз имени

А. С. Пушкина. На этой горе, за старой оградой из дикого камня приютилась деревянная церковь 18 века, где Пушкин числился в приходе.

Священник этой церкви — Ларион Раевский, по прозвищу *поп Шкода*, весельчак и балагур, знаток народного быта, его обычая, легенд и местных преданий, часто сопровождал Пушкина во время его прогулок.

Дочь попа Шкоды — Акулина Ларионовна рассказывает: «Покойный Александр Сергеевич очень любил моего тятенка. И к себе в Михайловское приглашали, и сами у нас бывали совсем запросто. Под'едет верхом к дому и в окошко плетью цок: «Поп у себя?» спрашивает. А если тятенки не случится дома, всегда прибавит: «Скажи, красавица, чтоб беспременно ко мне наведался, мне кой о чем потолковать с ним надо». — И очень они любили с моим тятенкой толковать; хотя он был совсем простой человек, но ум имел сметливый и крестьянскую жизнь и всякие крестьянские пословицы и притворки весьма примечательно знал. Только вот насчет божественного они с тятенкой не сходились, и много у них споров через это выходило». ¹

Над этим своим приятелем Пушкин однажды подшутил. В годовщину смерти Байрона он заказал своему попу отслужить по нему панихиду.

¹ Щеглов. „Новое о Пушкине“.

«Нынче день смерти Байрона,— пишет поэт Вяземскому 7/IV—1825 г. — Я заказал с вечера обедню за упокой его души. Мой поп удивился моей набожности и вручил мне просфору, вынутую за упокой души раба божия боярина Георгия».

Попу Шкоде Пушкин, по словам Акулины Ларионовны, «однажды возьми, да и подари 7 десятинок», которые, однако, после смерти Пушкина у них отняли.

Есть предположение, что поп Шкода послужил прототипом старца Варлаама в «Борисе Годунове».

Могила Шкоды, приведенная в настоящее время в порядок, прячется за оградой воронической церкви. Невдалеке от этой могилы похоронен один из наследников с. Петровского, Вениамин Петрович Ганнибал — сын Петра Абрамовича.

Средний холм Тригорского — это старое Городище Воронич. Здесь в 14 веке была крепость. В стратегическом отношении стояла она очень выгодно — с трех сторон ее окружал ров, с четвертой почти к подножию подходила Сороть.

Это Городище было центром большого города. По преданию этот город тянулся на 7 верст и имел 77 церквей (цифра, очевидно, легендарная). Но документально известно, что в 1349 году это был центр волости и самый крупный пригород

Псковской области — крупнее Острова, Опочки, Гдова.

В 16 веке, во время похода польского короля Стефана Батория на Псков, Воронич был взят и разгромлен (1581 г.). По договору город этот был возвращен России. В 1634 году был вновь, и на этот раз окончательно, разбит литовцами. После разгрома оправиться он так и не смог и захирел созершенно. В начале 18 века это был уже всего только маленький пригород, да и тот существовал недолго. При Пушкине от города уже ничего не оставалось — было примерно тоже, что мы видим сейчас, только на горе стояла церковь, сгоревшая в 1913 году.

Народная фантазия создала вокруг былого города, вокруг крепостного вала множество легенд и преданий, которые очень интересовали Пушкина. Историческое прошлое всегда привлекало и волновало поэта. Интерес к истории был подогрет здесь самой обстановкой, его окружающей. «Ты около Пскова,—писал в начале января 1825 г. Пушкину Рылеев, — там задушены последние вспышки русской свободы; настоящий край вдохновенья — и неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы?».

И Пушкин откликнулся на призыв Рылеева.

С городищем Воронич, с этим конкретным историческим местом, связано крупнейшее историческое произведение, одно из лучших в рус-

ской литературе. Здесь был задуман «Борис Годунов».

Вспомним проект названия этого произведения: «Комедия о настоящей беде Московскому Государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве. Летопись о многих мятежах и проч. Писано бысть Алексашкою Пушкиным в лето 7333 на городище Ворониче».

Конечно, свою трагедию Пушкин писал не только на городище, а и в своей скромной комнате в Михайловском, может быть и на лесистом холме, или где-нибудь в глухи Михайловского парка. Сцена у фонтана, например, была целиком обдумана Пушкиным, когда он ехал верхом, возвращаясь из Тригорского в Михайловское.

Но характерно, что поэт сам связал «Бориса Годунова» с городищем Вороничем.

В проекте названия интересен и стиль его, выдержаный в духе старых летописей, которыми при работе над трагедией пользовался Пушкин. В набросках предисловия к «Борису Годунову» он говорит: «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новой истории. Шекспиру я подражал в его большом и широком изображении характеров... Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий, в летописях ста-

рался угадать образ мыслей и язык тогдаших времен».

Внимательно изучая исторические и литературные источники, Пушкин, как поэт-реалист, получал богатый материал и в окружающей его жизни. Работа над «Борисом Годуновым» захватила поэта. Начав это произведение в конце декабря 1824 года, он окончил его 7/XI—1825 г. «Трагедия моя кончена,—пишет он Вяземскому, —я перечел ее вслух, один, и был в ладоши, и кричал, ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!». Но в том же письме поэт выражает опасение, что «цензура его не пропустит. Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию — навряд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе написана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!».

И действительно, когда в ноябре 1826 г. «Борис Годунов» был предъявлен для просмотра Николаю I, тот написал резолюцию: «Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если бы с *нужным очищением* переделал комедию свою в историческую повесть или роман на подобие Вальтер Скотта». Так как поэт не хотел «переделать... однажды написанное», то «Борис Годунов» оказался запрещенным и появился в печати только в конце 1830 года.

Кладбище на Городище. По тропинке, идущей по склону бывшего крепостного вала, можно

подняться на городище Воронич. За полуразрушенной оградой — скромное деревенское кладбище. Здесь похоронены хозяева Тригорского — П. А. Осипова, ее муж — И. С. Осипов, отец — А. М. Вындовский и сын — А. Н. Вульф.

Широкая дорога спускается с городища к подножию крепостного вала. Перейдя «ров», можно подняться на третью гору, образующую Тригорское — бывшее имение Осиповых.

ТРИГОРСКОЕ

*В стране, где Сороть голубая
Подруга зеркальных озер,
Разнообразно между гор
Свои изгибы расстилая,
Водами ясными поит
Поля, украшенные нивой —
Там у раздолья горделиво
Гора треххолмная стоит:
На той горе, среди лоцкны,
Перед лазоревым прудом,
Белеется веселый дом
И сада темные куртины,
Село и пажити кругом*.
Языков — „Тригорское“.*

Тригорское было пожаловано в 1762 г. Екатериной II генерал-майору Максиму Вынномскому, который в середине 18 века принимал участие в аресте правительницы Анны Леопольдовны, мужа ее Антона Ульриха и сына их—малолетнего императора Иоанна Антоновича. Он же был комендантом шлиссельбургской крепости, где содержался Иоанн. За «верную службу» Ека-

терина II наградила его генеральским чином и деревнями из своей дворцовой волости в Псковской губернии, в которых было 1085 душ крестьянства.

Старый генерал поселился в Тригорском на покое. Он разбил парк своеобразной архитектуры (где сочетаются принципы и французского и английского паркового искусства), с живописными прудами, с красивыми тенистыми аллеями и выстроил себе небольшой дом на берегу пруда. Главным устроителем Тригорского был его сын и наследник Александр Максимович. По своему времени неплохо образованный человек, он собрал в Тригорском прекрасную библиотеку. На книгах отца воспиталась следующая хозяйка имения, дочь его Прасковья Александровна.

Гостеприимная и хлебосольная хозяйка, она тепло и радушно принимала опального поэта.

Пушкин первый раз побывал в Тригорском в 1817 г., после окончания лицея. Уезжая, он написал замечательные строки:

*«Простите, верные дубравы!
Прости, беспечный мир полей
И легокрылые забавы
Столь быстро улетевших дней!
Прости, Тригорское, где радость
Меня встречала столько раз!
На то ль узнал я вашу сладость,
Чтоб навсегда покинуть вас?»*

*От вас беру воспоминанье,
А сердце оставляю вам.
Быть может (сладкое мечтанье!)
Я к вашим возвращусь полям,
Приду под липовые своды,
На скат Тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума».*

Желание Пушкина сбылось, он пришел под «липовые своды» Тригорского, но на этот раз не свободным человеком, а «ссыльным невольником», как он сам себя называл.

В Тригорском Пушкина встречала гостеприимная, веселая семья П. А. Осиповой.

В большом поместительном доме, переделанном из фабричного здания¹, жили в годы ссылки Пушкина П. А. Осипова и ее дети: от первого брака Анна Ник., Евпраксия (Зизи, Зина) Ник. и Алексей Ник. Вульф; от второго брака Мария и Екатерина Ивановны Осиповы и падчерица Александра Ив. Осипова (Алина). Гостили здесь и племянницы хозяйки: Анна Ивановна Вульф (Нетти) и Анна Петровна Керн. Вместе с Ал. Ник. Вульфом, который был в то время студентом Дерптского университета, приезжал поэт Языков. Пушкин, человек очень жизнерадостный и общительный, мог здесь хоть немного отдох-

¹ Дом этот сгорел в 1918 году.

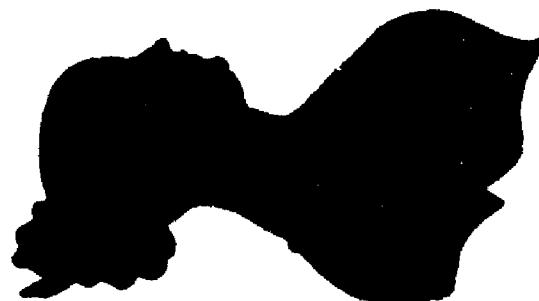
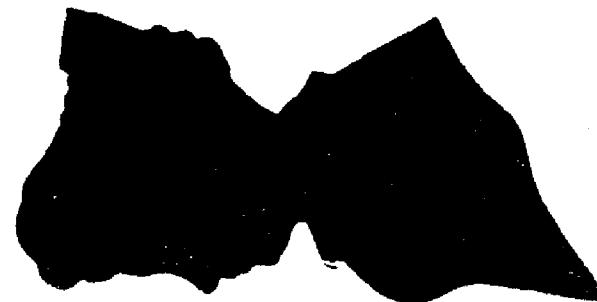

Общий вид на Тригорский парк.

иуть и развлечься от одиночества и скуки своей ссыльной жизни. Он беседовал о хозяйстве с Прасковьей Александровной; упражнялся в стрельбе с Вульфом; возился с девочками Марией и Екатериной, помогал им учить уроки, делал за них французские перезды, заступался перед строгой маменькой. Он испещрял альбомы старших своими рисунками и стихами. Евпраксии он посвятил: «Если жизнь тебя обманет», «Вот, Зина, вам совет...»; Алине — «Признание»; Нетти — «За Netty сердцем я летаю...». Самой хозяйке посвящены: «Подражания Корану», «Цветы последние милей...» и «П. А. Осиповой», где с такой любовью говорит поэт о Тригорском:

*«Быть может, уж недолго мне
В изгнанье мирном оставаться,
Вздыхать о милой старине,
И сельской музе в тишине
Душой беспечной предаваться.
Но и вдали, в краю чужом
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду, под сенью лип домашней».*

Привлекало поэта в Тригорское и то, что здесь он черпал богатейший материал для своей напряженной творческой работы над «Евгением Онегиным».

E. H. u A. H. Вульф.

В письме к Вяземской в начале октября 1824 г. Пушкин писал: «Единственное развлече-
ние мое составляет добрая соседка, которую я
часто вижу, слушая ее патриархальные разго-
воры в то время, когда ее дочери разыгрывают
мне России. *Лучшего положения для окончания
моего романа и желать нельзя.*»

«Евгений Онегин» был задуман и начат Пуш-
киным еще на юге. 4 ноября 1823 г. он писал из
Одессы Вяземскому: «Что касается моих заня-
тий, я теперь пишу не роман, а роман в стихах
— дьявольская разница. О печати и думать
нечего. Цензура наша так своенравна, что с нею
невозможно и размерить круга своего дей-
ствия». Дельвигу он писал 16 ноября 1823 г.:
«Пишу теперь новую поэму, в которой забал-
тываюсь донельзя. Бирков (цензор. О. Л.) ее не
увидит». Льву Сергеевичу в январе 1824 г. он со-
общает: «Может быть я пришлю ему (Тургеневу.
О. Л.) отрывки из Онегина; это лучшее мое про-
изведение».

Но там на юге, как говорил поэт: «даль сво-
бодного романа» он «сквозь магический кри-
сталл еще не ясно различал».

В ссылке Пушкин, пожалуй, впервые очутился
в самой гуще поместного быта. До этого он вра-
щался главным образом среди служилого дворян-
ства (лицей, Петербург, юг). Здесь же он оку-
нулся в ту самую среду патриархального, про-

Река Сороть у Тригорского.

вищеского среднепоместного дворянства, — дворянства, крепко связанныго с землей, которое и нашло свое яркое отражение в «Евгении Онегине». Достаточно вспомнить характеристику, данную семейству Лариных Онегиным:

«Простая русская семья,
К гостям усердие большое.
Варенье, вечный разговор
Про дождь, про лен, про скотный
двор».¹

Это был круг интересов большинства дворянских семей. В частности, разговор о льне характерен для Псковской льноводческой губернии. И Пушкин сумел найти здесь типичное.

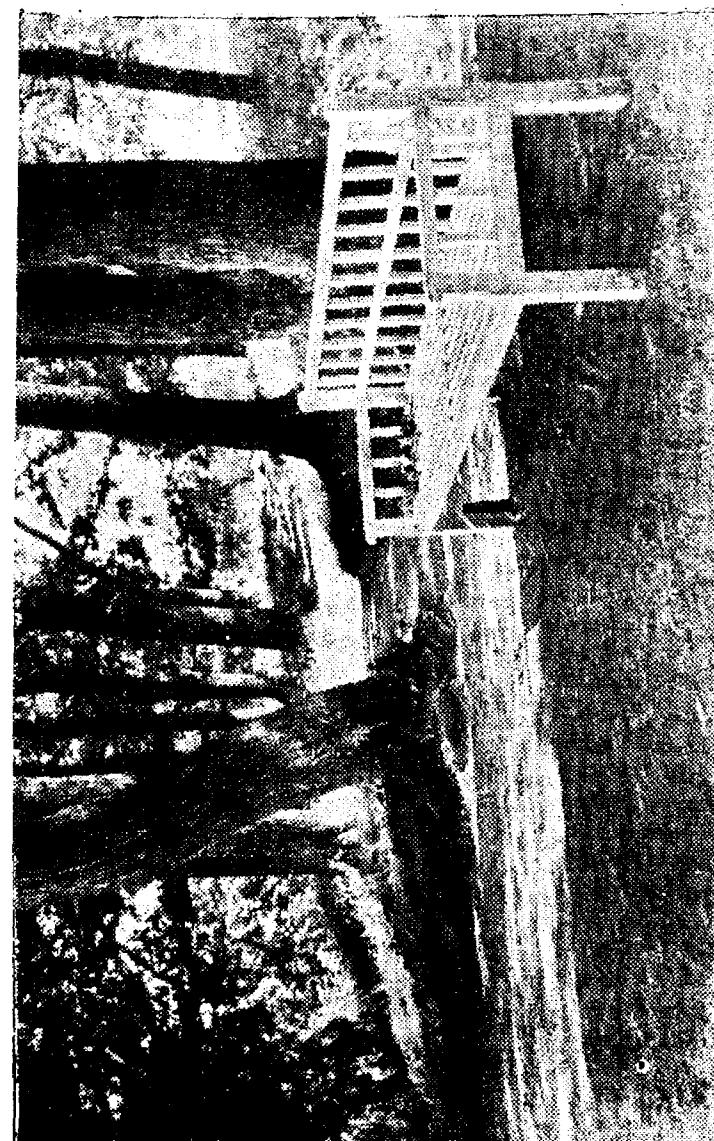
Конечно, П. А. Осипова это не старушка Ларина, она, несомненно, выше по своему культурному уровню. Но и она:

«Езжала по работам,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила в баню по субботам,
Служанок била осердясь, —
Все это мужа не спросясь»²

Алексей Николаевич Вульф в своем дневнике рассказывает: «Роман («Евгений Онегин») не только почти весь написан на моих глазах, но

¹ „Евгений Онегин“ III гл. I.

² „Евгений Онегин“ II гл. XXXII.

„Скамья Онегина“ в Тригорском парке.

я даже был действующим лицом в описаниях деревенской жизни Онегина, ибо она взята вся из пребывания Пушкина у нас в губернии Псковской. Так я, дерптский студент, явился в виде геттингенского, под названием Ленского; любезные мои сестрицы суть образцы его деревенских барышень и чуть ли не Татьяна одна из них. Многие из мыслей, прежде чем я прочел их в «Онегине», были часто в беседах глаз на глаз с Пушкиным в Михайловском пересуждаемы между нами, а после встречал я их как старых знакомых».

Не один Вульф был такого мнения. До самого последнего времени прототипов Ленского, Ольги, Татьяны искали в Тригорском. Татьяну видели в Анне Николаевне Вульф, то в Евпраксии Николаевне.

На это наводила надпись самого поэта на экземпляре «Евгения Онегина», поднесенного Евпраксии Ник.: «Евпраксии Николаевне Вульф от автора. Твоя от твоих».

Нет надобности утверждать, что такой взгляд неверен. И Ольга, и Ленский, и Татьяна, и, особенно, Онегин, — все это широкие, обобщенные типы, плод долголетних раздумий поэта, «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Но совершенно несомненно так же и то, что здесь, в псковской конкретной действительности, эти образы одевались плотью и кровью,

становились живыми, реальными, в то же время оставаясь типичными.

Вспомним такую сочную, прямо с натуры спи-санную картинку, как бал у Лариных:

«С утра дом Лариных гостями
Весь полон; целыми семьями
Соседи с'ехались в возках,
В кибитках, в бричках и в санях.

Своей супругою дородной
Приехал толстый Пустяков;
Гвоздин, хозяин превосходный,
Владелец нищих мужиков;
Скотинины, чета седая,
С детьми всех возрастов, считая
От тридцати до двух годов;
Уездный франтик Петушков,
Мой брат двоюродный Буянов,...
И отставной советник Флянов,
Тяжелый сплетник, старый плут,
Обжора, взяточник и шут».¹

Типично также и описание природы:

«Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою; вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,

¹ «Евгений Онегин» I гл. XXV—XXVI.

*Мелькали села; здесь и там
Стада бродили по лугам.
И сени расширяя густые
Огромный, запущенный сад,
Приют задумчивых Дриад».¹*

И совершенно естественно, что многим хотелось теснее связать Тригорское с романом, написанным в основном здесь. Так появилась в парке «Скамья Онегина». Кто и когда дал это название скамье, стоящей на террасе над светлой Соротью — неизвестно. Но название характерно. Со «Скамьей Онегина» обычно связывают сцену свидания Татьяны с Онегиным в парке. («И задыхаясь на скамью упала...»).²

Скамья окружена столетними деревьями. Дубы, липы, клены нагнулись над обрывом и словно замерли. А вдали попрежнему цветут луга и зреют нивы!

Место бани. Недалеко от «Скамьи Онегина», на спуске к реке, сохранилась небольшая возвышенная площадка — это место, где стояла маленькая деревенская банька. Здесь любили уединяться от многолюдных гостей молодые люди — Пушкин, Вульф, Языков, иногда Дельвиг, иногда Лев Серг. Пушкин. Укрывшись здесь, молодежь устраивала дружеские пирушки — это было в нравах того времени.

¹ „Евгений Онегин“ II гл. I.

² „Евгений Онегин“ III гл. XXXVIII.

Место бани в Тригорском.

«Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой
Погулять верхом порой,
Пострелять из пистолета.
Лайон, мой курчавый брат
(Не михайловский прикащик),
Привезет нам, право клад...
Что? — бутылок полный ящик.
Запишуем уж, молчи!
Чудо — жизнь анахорета!
В Троегорском до ночи,
А в Михайловском до света...».

Здесь же вспоминается гимн радости, молодости и разуму —

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

«Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!

Подымем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует
разум!

Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,

Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется
тьма!».

В этой маленькой баньке не только веселились и пировали друзья. Здесь велись ожесточенные споры на самые разнообразные темы. Пушкин в ссылке был совершенно отрезан от всего окружающего мира и только по рассказам случайно и редко приезжавших друзей узнавал о том, что творится на свете вне михайловского заточения.

Споры между поэтами Пушкиным, Дельвигом, Языковым и дерптским студентом Вульфом вращались, главным образом, вокруг литературных вопросов и новинок. Споры велись и на политические темы. Шел 1825 г. — год деятельной подготовки к восстанию декабристов. И много горячих слов о судьбах России, много проклятий по адресу «самовластья» слышали прокопченные стены тригорской бани!

Площадка для танцев. А невдалеке, под сенью вековой липовой аллеи, сохранилась площадка для танцев или «липовый зал», где резвилась беспечная молодежь. И Пушкин, веселый и жизнерадостный по натуре, забывая о невзгодах и не приятностях, превращался здесь снова в резвого шалуна, бегал взапуски, устраивал игры в горелки, ззонко смеялся и проказничал: «На-днях я

мерялся поясом с Евпраксией, и талии наши нашлись одинаковы. Следственно из двух одно: или я имею талию 15-летней девушки, или она — талию 25-летнего мужчины. Евпраксия дуэтся, и очень мила. С Анеткою бранюсь; надоела!» (окт. 1824 г.).

М. И. Осипова рассказывала, как иногда удавалось залучить в Тригорское бродячий оркестр или шарманку, и тогда на этой площадке устраивались танцы.

Целый день иногда ревилась молодежь в парке, и от жаркого солнышка или непогоды скрывалась не дома, а под развесистыми ветвями старых деревьев парка.

Верное убежище давала *Ель-шатер*. Ель-шатер — это огромное дерево, которому уже около 200 лет. Ветви ели доходят почти до самой земли. Сейчас многие ветви засохли и уже срезаны. При Пушкине ель была еще гуще. Это был настоящий шатер. О Тригорском и, очевидно, об этой «темной ели» вспоминает Пушкин в «Путешествии Онегина»:

«И берег Сороти отлогий,
И полосатые холмы,
И в роще скрытые дороги,
И дом, где пировали мы.
Приют, сияньем муз одетый,
Младым Языковым воспетый,
Когда из капища наук,

Площадка для танцев в Тригорском.

Являлся он в наш сельский круг—
И нимфу Сороти прославил
И огласил поля кругом
Очаровательным стихом.
Но там и я мой след оставил
И, ветру в дар, на темну ель
Повесил звонкую свирель».¹

«Звонкая свирель» поэзии Пушкина не раз оглашала тенистый парк Тригорского. Иногда удавалось упросить поэта прочитать что-нибудь свое: «Однажды,—вспоминает А. П. Керн,—явился он в Тригорское с своей большой черною книгой, на полях которой были начертаны ножки и головки...»

Вскоре мы уселись вокруг него, и он прочитал нам своих «Цыган»... Я была в упоении как от текущих стихов этой чудной поэмы, так и от его чтения, в котором было столько музыкальности, что я истаевала от наслаждения».

Ели этой в парке есть сверстник — старый дуб, который также воспет Пушкиным:

«Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов».²

¹ Черновые наброски „Путешествия Онегина“.

² „Брошу ли я вдоль улиц шумных“,

С этим дубом обычно связывают пролог к «Руслану и Людмиле»:

«У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;
Идет направо— песнь заводит,
Налево— сказку говорит».

Арина Родионовна рассказывала своему племянцу такую сказку: «У моря Лукоморья стоит дуб, на том дубу золотые цепи и по тем цепям ходит кот. Вверх идет — сказки сказывает, вниз идет — песни поет».

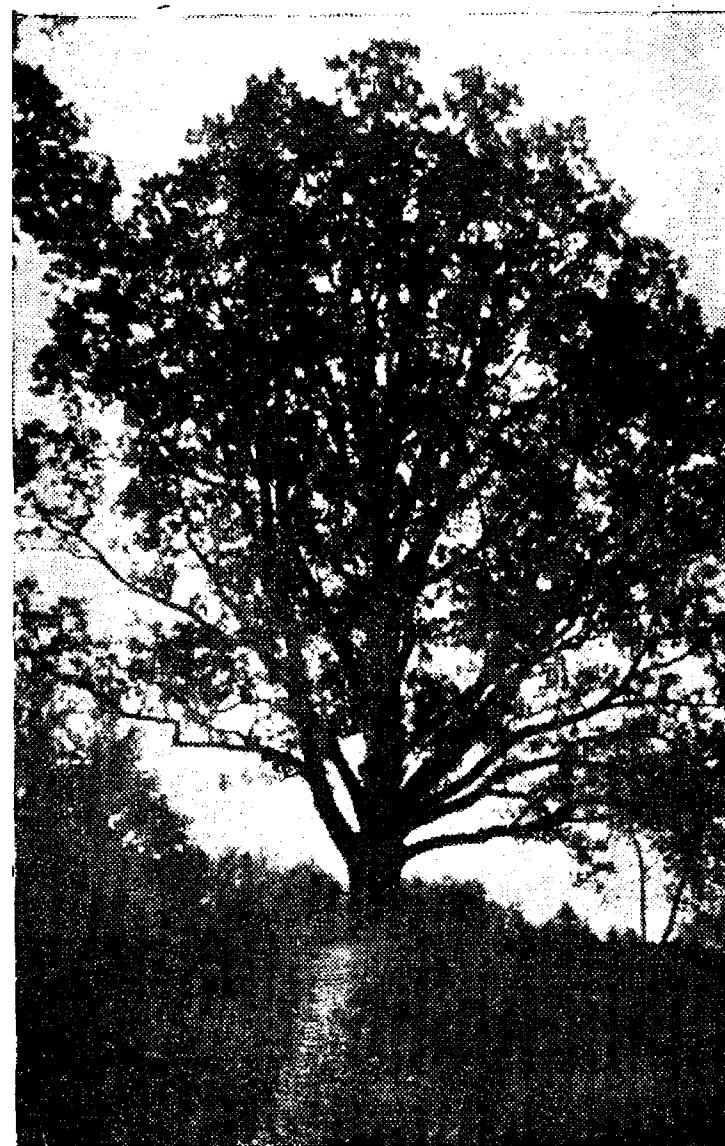
Интересно отметить, что над поэмой «Руслан и Людмила» Пушкин работал в 1819 году здесь же в Михайловском. А. И. Тургенев писал из Петербурга 19/VIII—1819 г. Вяземскому: «Явился обритый Пушкин из деревни и с 6-й песнью «Руслана и Людмилы».

Солнечные часы. Между дубом и елью сохранились остатки «солнечных часов». По кругу были когда-то насажены 12 дубков, по тени которых, очень приблизительно, можно было определить время. Конечно, точным временем здесь никто и не интересовался. Это была просто оригинальная затея, украшавшая старый парк. Теперь осталось всего 8 дубков. Но «часы» будут восстановлены — дубы подсажены.

Береза-седло. Недалеко от ели (если идти прямо по главной широкой аллее) бережно охраняется обгорелая в 1925 году от молнии береза-седло. На «седле», образованном двумя сросшимися стволами, любил сиживать Пушкин. В дупло этого старого дерева, по преданию, Пушкин опустил серебряную монетку «на счастье». По другой версии—кольцо. Невольно вспоминается эпизод с кольцом в «Дубровском», дупло, служившее почтовым ящиком в «Барышне-крестьянке».

Старый парк Тригорского весь овеян поэзией Пушкина. Каждый уголок парка помнит поэта. Пушкин очень любил Тригорское и его обитателей и постоянно стремился сюда приехать. Эта любовь сквозит в целом ряде стихотворений и писем поэта. В черновых набросках «Путешествия Онегина» мы читаем:

«О, где б судьба ни назначала
Мне безыменный уголок,
Где б ни был я, куда б ни мчала
Она смиренный мой челнок;
Где поздний мир мне б ни сулила,
Где б ни ждала меня могила, —
Везде, везде в душе моей
Благословлю моих друзей.
Где б ни ждала меня могила, —
Нет, нет! нигде не позабуду
Их милых, ласковых речей, —

„Дуб уединенный“ в Тригорском парке.

*Вдали, один, среди людей,
Воображать я вечно буду
Вас, тени прибрежных ив,
Вас, мир и сон Тригорских нив».*

Получив возможность уехать, наконец, из ссылки, Пушкин торопится поделиться радостной вестью с хозяйкой Тригорского П. А. Осиповой, которой сообщает: «Как только я буду свободен, я поспешу вернуться в Тригорское, к которому сердце мое приковано на всегда».

С ней же поэт делится своими впечатлениями от столичной жизни вскоре после приезда в Петербург: «Что сказать вам о моем пребывании в Москве и о моем прибытии в Петербург? Пошлость и глупость наших обеих столиц одинакова, хотя и в различном роде; и так как я имею претензию быть беспристрастным, то скажу, что если бы мне дали обе на выбор, то я бы выбрал Тригорское, почти так же, как арлекин, который на вопрос: предпочитает ли он быть колесован или повешен, отвечал: я предпочитаю молочный суп».

В 1828 году он писал ей же: «Я не знаю, приеду ли я в Михайловское, хотя искренне этого желаю. Я признаюсь, что шум и суета Петербурга стали для меня совершенно невыносимы. Я больше люблю ваш прекрасный сад и живописные берега Сороти».

Мостик в Тригорском.

В 1835 г., в мае месяце, Пушкин побывал в Тригорском. М. И. Осипова рассказывала об этом посещении: «Приехал такой скучный, утомленный. Господи, говорит, как у вас тут хорошо! А там-то, там-то в Петербурге, какая тоска зачастую душит меня!».¹

Осень того же 1835 г. Пушкин провел в Михайловском, но почти целыми днями бывал в Тригорском. Отсюда пишет поэт очень значительное письмо жене (21/IX—1835 г.): «Ты не можешь вообразить, как живо работает воображение, когда сидим одни между четырех стен или ходим по лесам, когда никто не мешает нам думать, думать до того, что голова закружится. А я о чем думаю. Вот о чем: чем нам жить будет. Отец не оставит нам именья, он его уже споловину промотал; ваше имение на волоске от погибели. Царь не позволяет мне ни записаться в помещики, ни в журналисты. Писать книги для денег, видит бог, не могу. У нас ни гроша верного дохода, а верного расхода 30.000».

Измученный всевозможными материальными заботами, лишениями и неприятностями, светской травлей, вечными гонениями со стороны Николая I и Бенкendorфа, — Пушкин мечтал поселиться здесь, в этих родных и любимых

местах. «Дай бог плонуть на Петербург, да удрать бы в деревню», — писал он жене.

«Свет—это гнусная, грязная лужа. Мне милее Тригорское», — писал он Прасковье Александровне:

Именно об этом... «приюте спокойствия, трудов и вдохновенья» мечтал Пушкин последние годы своей жизни.

«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —

Летят за днями дни, и каждый час уносит

Частичку бытия, —а мы с тобой вдвое и Предполагаем жить — и глядь — как раз — умрем.

На свете счастья нет, но есть покой и воля.

Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег».

Но «плонуть на Петербург», вырваться из «грязной лужи» светского общества и уйти в «обитель дальнюю трудов и чистых нег» — поэту не удалось. 27 января 1837 года он был смертельно ранен на дуэли кавалергардом Дантесом и 29/I (по ст. ст.) 1837 г. умер.

¹ По записи Семевского.

«В ту зиму морозы стояли страшные, — рассказывает Е. И. Осипова¹. Такой же мороз был и 5 февраля 1837 г. Матушка недомогала, и после обеда, так часу в третьем, прилегла отдохнуть. Вдруг видим в окно: едет к нам возок, с какими-то двумя людьми, а за ними длинные сани с ящиком. Мы разбудили мать, вышли навстречу гостям: видим, наш старый знакомый А. И. Тургенев. По французски рассказал Тургенев матушке, что приехали они с телом Пушкина, но, не зная хорошенко дороги в монастырь и перезябши вместе с везшим гроб ямщиком, приехали сюда.

Какой, ведь, случай! Точно Александр Сергеевич не мог лечь в могилу без того, чтобы не проститься с Тригорским и с нами! Матушка оставила гостей ночевать, а тело распорядилась везти теперь же в Святые горы».

Святогорский монастырь

Святогорский монастырь был основан в 1569 году при Иоанне Грозном. Синичи горы, как называлось тогда это место, были переименованы в Святые в 16 веке, а в 1924 году, к столетию со дня ссылки Пушкина, горы эти стали называться Пушкинскими. Теперь Пушкинские Горы — районный центр.

Собор Святогорского монастыря, сохранившийся от 16 века — прекрасный образец псковской церковной архитектуры того времени. Боковые приделы так же, как и колокольня, относятся к 19 веку. К столетию со дня рождения Пушкина (1899 г.) переделана была лестница из больших диких камней, ведущая к собору (ее расширили), и сделана белая мраморная балюстрада за могилой поэта (реставрированная в настоящее время).

Игумену этого монастыря Ионе во время ссылки Пушкина был поручен надзор над поэ-

¹ В записи Острогорского.

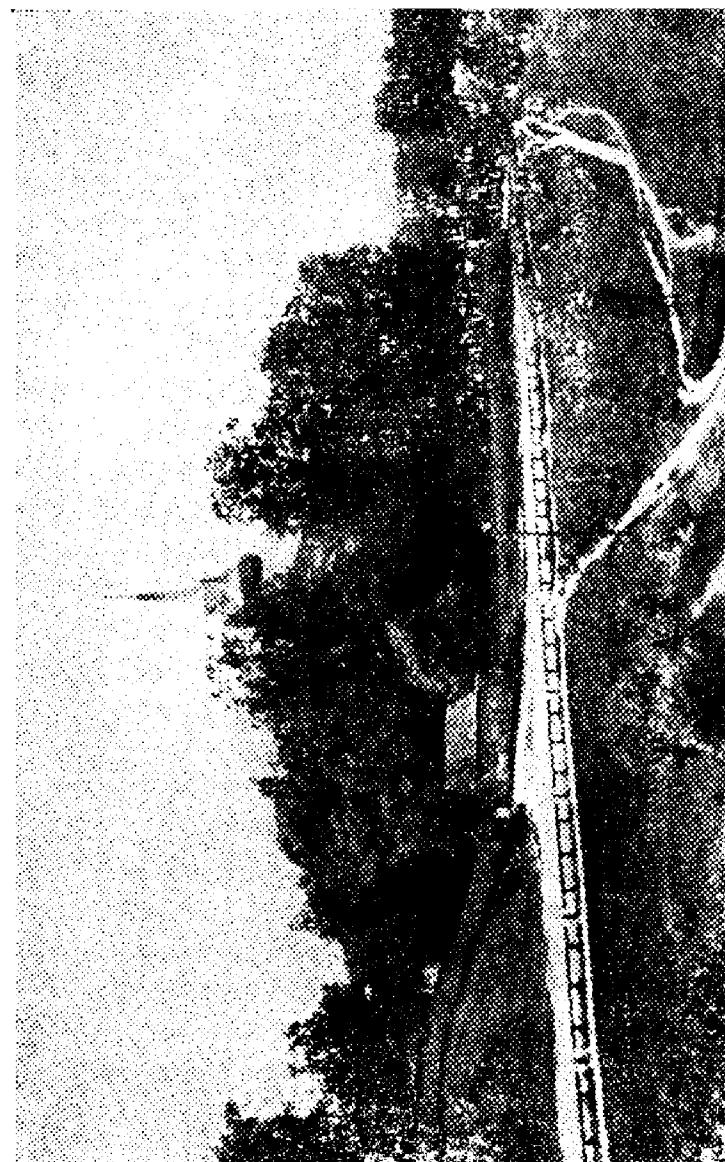
том. Иона наезжал в Михайловское довольно часто.

Пушкин бывал в монастыре неоднократно. «Тетка умерла!», — писал он брату в ноябре 1824 г. — Еду завтра в Святые горы и велю отпеть молебен или панихиду, смотря по тому, что дешевле!».

Знакомясь с бытом монахов и послушников, с монастырскими кельями, он получал богатый материал для «Бориса Годунова». У ворот монастыря часто собирались ярмарки, народные гулянья, которые любил посещать Пушкин. Толпа народа, его обычай, костюмы, языки, поговорки, слепцы-нищие, странники, юродивые — все это живо интересовало автора «Бориса Годунова». На ярмарки поэт часто являлся переодетым в крестьянскую одежду. Ал. Ник. Вульф¹ рассказывает: «В девятую пятницу после пасхи, Пушкин вышел на святогорскую ярмарку в русской красной рубахе, подпоясанный ремнем, с палкою, в корневой шляпе... Весь новоржевский бомонд... увидя Пушкина в таком костюме, весьма был этим скандализирован».

«Когда в монастыре была ярмарка в девятую пятницу,—рассказывает игумен Иоанн, — Пушкин... одетый в крестьянскую белую рубаху с красными ластовками, опоясанный красной лентою, с таковою же—и через плечо, неуз-

¹ В передаче Семевского.

Святогорский монастырь

нанный местным уездным исправником, был отправлен под арест за то, что вместе с нищими, при монастырских воротах, участвовал в пении стихов о Лазаре, Алексее человеке божием и др., тростию же с бубенчиками давал им такт, чем привлек к себе большую массу народа и заслонил проход в монастырь, на ярмарку. От такого ареста был освобожден благодаря лишь заступничеству здешнего станового пристава». Об этом же рассказывает кучер поэта старик Петр (в записи Тимофеева): «Ярмарка тут в монастыре бывает в девятую пятницу перед Петровками; народу много собирается; и он туда хаживал, как есть, бывало, как дома: рубаха красная, не брит, не стрижен, чудно так, палка железная в руках; придет в народ, тут гулянье, а он сядет на земль, соберет к себе нищих, слепцов, они ему песни поют, стихи рассказывают. Так вот было раз, еще спервоначалу приехал туда капитан-исправник на ярмарку: ходит, смотрит, что за человек чудной в красной рубахе с нищими сидит? Посыпает старосту спросить, кто, мол, такой? А Александр-то Сергеич тоже на него смотрит зло так, да и говорит эдак скоро: — Скажи капитану-исправнику, что он меня не боится и я его не боюсь, а если надо ему меня знать, — так я — Пушкин. — Капитан ничто взял, с тем и

уехал, а Александр Сергеевич бросил слепцам беленьку, да тоже домой пошел».

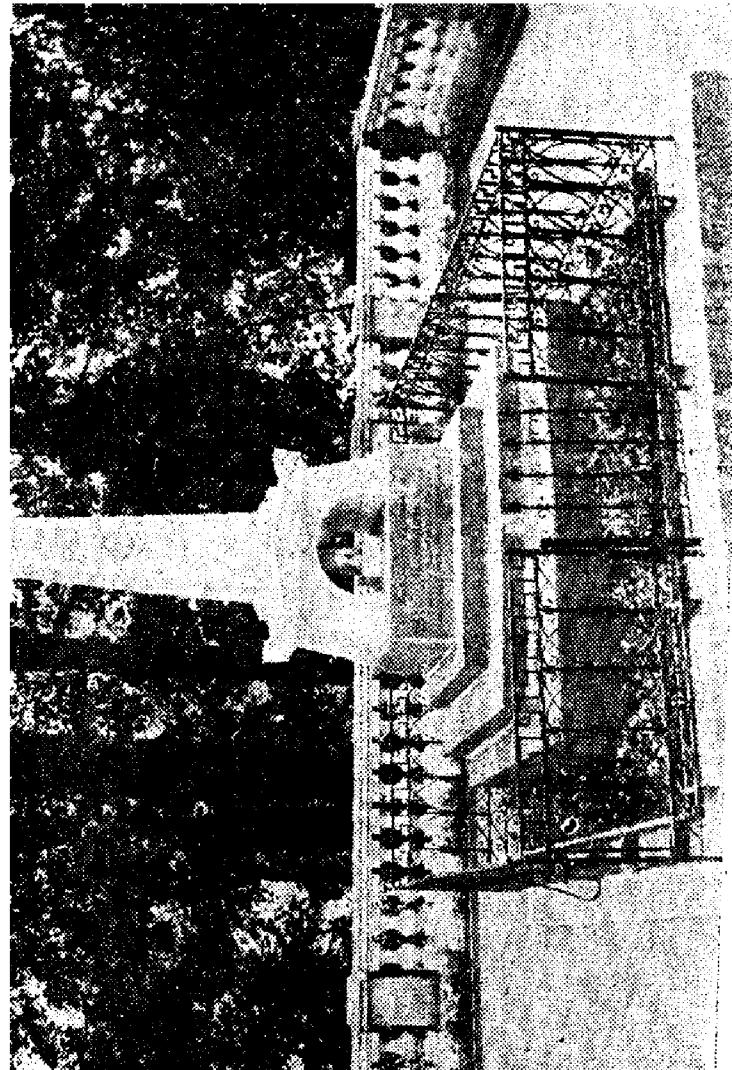
Могилы предков. За стенами Святогорского монастыря в апреле 1836 года Пушкин хоронил свою мать — Надежду Осиповну Пушкину, рядом со своим дедом Осипом Абрамовичем и бабушкой Марией Алексеевной Ганибал. Здесь же на рассвете хмурого февральского дня хоронили Пушкина.

Могила Пушкина

Похороны поэта. Громадная толпа незольного народа, желающего проститься с поэтом, пугала николаевское правительство. Похороны «вольнодумца и атеиста» Пушкина, друга декабристов, автора политических стихотворений легко могли превратиться в революционную демонстрацию. Николай I решил изменить характер похорон. Вместо торжественного отпевания в Исаакиевском соборе (в Петербурге) в ночь с 30 на 31 января тело поэта было под конвоем жандармов неожиданно вынесено в Конюшенную церковь. Оттуда в ночь на 3 февраля на простых извозчичьих санях увезено в Святогорский монастырь.

Городские кладбища Пушкин не любил и по преданию хотел быть похороненным здесь.

Могила А. С. Пушкина.

«И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать»,—

писал он. Возмущало не место погребенья, а то, как хоронили великого поэта. Не только народ, но и ближайшие друзья не могли проводить тело до могилы, кроме Ал. Ив. Тургенева, получившего это право.

В своем дневнике он записал: «3-го февраля в полночь мы отправились с телом Пушкина в путь. Я с почтальоном в кибитке позади тела, жандармский капитан впереди онного». Псковскому губернатору было отправлено приказание: «...имею честь сообщить вашему превосходительству золю государя императора, чтобы вы воспретили всякое особенное изъявление, всякую встречу, одним словом — всякую церемонию.»¹ Аналогичное приказание было отправлено архимандриту Святогорского монастыря Геннадию.

Жена проф. Никитенко на одной почтовой станции встретила эту странную процессию: «...увидела простую телегу, на телеге солому под соломою гроб, обернутый рогожею. Три жандарма суетились на почтовом дворе, хлопотали о том, чтобы скорее перепрячь курьерских лошадей и скакать дальше с гробом. «Что

это такое?» — спросила она у одного из находившихся здесь крестьян. — А бог его знает что! Вишь, какой-то Пушкин убит — его мчат на почтовых в рогоже и соломе, прости господи, — как собаку»¹.

Ямщики мчали гроб кратчайшим путем, но, не зная хорошенко дороги, нечаянно заехали вместо Святых гор в Тригорское.

П. А. Осипова распорядилась тело тотчас же отправить в монастырь и откомандировала крестьян рыть могилу. «Но ее копать не пришлось, — рассказывает Е. И. Осипова, — земля вся промерзла, — ломом пробивали лед, чтобы дать место ящику с гробом, который потом и закидали снегом». Когда ночью же в монастырь явились жандармы, могила еще не была готова, но чтобы не задерживаться, они распорядились поставить гроб в эту неглубокую яму и закидать снегом и комьями мерзлой земли (так что по-настоящему похоронили Пушкина только весной). На этих странных похоронах присутствовали: жандармы, Ал. Ив. Тургенев, М. И. и Е. И. Осиповы, да еще несколько крестьян.

На могиле был поставлен сначала простой деревянный крест с лаконической надписью: «Пушкин».

¹ Мордвинов — Пещурову 2/II — 1837 г.

1 Никитенко. „Дневник“.

Только в 40-х годах этот крест был заменен белым мраморным памятником, который стоит на могиле поэта и в настоящее время.

Но не этот памятник имел в виду Пушкин, когда писал:

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру, — душа в заветной
лире

Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном
мире

Жив будет хоть один пинт.

Слух обо мне пройдет по всей Руси
великой,

И назовет меня всяк сущий в ней язык:
И гордый внук славян, и фин, и ныне
дикой

Тунгуз, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я
свободу

И милость к падшим призывал».

Пророчество поэта сбылось: народная тропа к Пушкину, к его гениальному творчеству, —

к этому «нерукотворному» памятнику не зарастает.

Небывалой популярности достигли произведения Пушкина в наши дни. Переведенные почти на все языки, они читаются в самых далеких уголках нашей необ'ятной родины. Места, где жил и творил Пушкин, где он похоронен, окружены большой любовью. И столетняя годовщина со дня трагической смерти гениального поэта, основоположника русского литературного языка, русского реализма, будет не только днем скорби и печали, но и днем величайшего торжества науки, искусства, литературы в нашей свободной советской стране.

СОДЕРЖАНИЕ

Михайловское	7
Петровское	59
Дорога в Тригорское	63
Тригорское	72
Святогорский монастырь	99
Могила Пушкина	104

Тех. ред. *А. И. Блинов*
Коррект. *А. А. Мякинина*

* * *

Сдано в набор 7.1.37
Подписано к печ. 3.2.37
Калинин. обллит № 73
Число печ листов 3¹/₂
Колич. знак. в п. л. 38.688
Формат бумаги 62×94/84
Тираж 10,000 экземпляр.
Заказ № 6616.

* * *

Гор. Калинин. Типограф.
„Пролетарской правды“

Обложка работы худ. Б. А. Новоселова